

Глава девятая.

«Революция – такая сила, что ее хода не изменишь»

Наступил март 1917 года... Петр Алексеевич жадно читает в газетах сообщения из далекого, но все еще такого близкого в памяти – несмотря на почти сорок один год разлуки – Петрограда. Он знает, что народ вышел на улицы, что ненавистный самодержавный режим зашатался. Неужели настал тот самый долгожданный час, на который он надеялся на протяжении всей своей долгой жизни? Неужели он наконец дожид до этого дня?

16 марта лондонская The Times сообщила: «Великая революция совершена в России. После почти недели хаоса в Петрограде ситуацию контролирует нечто вроде парламентского правительства. Царь отрекся в пользу своего сына-наследника, а его брат, реформаторски настроенный великий князь Михаил, как ожидается, будет действовать как регент. Новость эта вряд ли станет сюрпризом для тех, кто знаком с недавним развитием внутренней ситуации в союзной империи и кто наблюдал за зловещей приостановкой телеграмм из России за несколько последних дней»[1673].

Кропоткин был всегда убежден, что настоящая революция – в отличие от простого государственного переворота – событие не одного дня: она захватывает целый период времени, как это было с Великой Французской революцией. Петр Алексеевич знает: то, что произошло в Петрограде, – это только начало. Что будет дальше? Корреспондент The Times, наблюдавший за событиями на месте, в Петрограде, предупреждал, что «влияние, в настоящее время осуществляемое Временным комитетом имперской Думы», может перейти «в руки социалистов, которые хотят установления республики, но которые неспособны учредить какое-либо упорядоченное правительство и неминуемо ввергнут страну в анархию внутри и в катастрофу вовне»[1674].

Да, революция началась, это очевидно. Кропоткина – старейшего и авторитетнейшего из русских революционных эмигрантов – снова осаждают корреспонденты. Все хотят знать его мнение о происходящих событиях, получить своего рода экспертную оценку, как выражаются в наши дни. «С первых дней, как революция стала известна, буквально жил в чад интервью и телеграмм, которые приходилось рассылать в русские и американские газеты, не несколько слов, а столбцы, не говоря уже о десятках писем, отвеченных в сотне или более неотвеченных, назойливых интервьюеров ("интервью" я отказывал, а диктовал, что нужно сказать) и т. п.»[1675], – писал он Марии Гольдсмит 15 мая.

Старый революционер засобирался в Россию. Но осуществить такую поездку было не так-то легко: шла война, и сухопутная дорога через Европейский континент была закрыта. Оставался путь морем – через Норвегию, но медики рекомендовали Петру Алексеевичу дожидаться окончания холодов. «Мой врач очень не советует мне рисковать, отправляясь в длинный полуарктический рейс (через Торнео)... и подождать прихода немного более теплой погоды, он умоляет меня об этом ради моих бедных легких»[1676], – сообщал он Келти.

В мае Кропоткины принялись паковать вещи. «Вчера уложено было уже 52 ящика книг. Осталось еще десятка полтора уложить, – писал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит. – При этом ни от кого, конечно, никакой помощи, а мне 74, а Соне 60. Ящиков для укладки нет как нет, ни за какие деньги. Все бакалейные Брайтона обегал, клянчил ящики, натываясь на ужасно милых людей (а иногда на грубиянов). Но на нет и суда нет. Добудешь две дюжины ящиков, но без крышек! Препней силы нет. Целую неделю плотника держал делать крышки: спасибо, добрый старичок нашелся»[1677]. Пришлось еще ожидать решения русского консульства в Лондоне, которое занималось репатриацией эмигрантов.

Падение самодержавия побудило Кропоткина занять позиции так называемого революционного оборончества. Он по-прежнему выступал за продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией, вплоть до их поражения, но мотивировал это уже иначе – защитой завоеванной российской свободы. «Нужно сделать невозможное – в военное время только «невозможное» решает дело, – чтобы помешать взятию немцами Петрограда и восстановлению российской монархии»[1678], – писал Петр Алексеевич Марии Гольдсмит.

«Мужчины, женщины, дети России, спасите нашу страну и цивилизацию от черных сотен центральных империй!.. Противопоставьте им героический объединенный фронт»[1679], – призывал он в телеграмме, направленной в печатный орган партии кадетов, газету «Речь». Такие заявления не могли встретить понимания у российских анархистов, но были восторженно восприняты сторонниками войны. Партия кадетов отпечатала текст телеграммы Кропоткина в виде листовки и активно распространяла ее.

Опасаясь, что германские агенты попытаются помешать его возвращению в Россию, Петр Алексеевич решил ехать под именем своего знакомого Сергея Петровича Тюрина[1680]. Кропоткин заранее приехал на его квартиру в Лондоне и вместе с ним тайно уехал в шотландский порт Абердин, где собирался сесть на пароход. Его багаж был также оформлен на имя Тюрина. 4 июня 1917 года Кропоткины сели в Абердине на русское судно, которое взяло курс на норвежский порт Берген. Перед отъездом Петр Алексеевич передал через Тюрина в британские газеты прощальное письмо, поблагодарив народ и «политических вождей» Британии за «теплое отношение» к нему и его семье за годы эмиграции и за «симпатии к Новой России». При этом он заявлял, что счастлив видеть свою страну «стоящей в одном лагере с Западной Демократией против Центральной Империи»[1681].

Плавание проходило сравнительно спокойно, но на море стояла легкая качка, от которой Софья Григорьевна слегла. «Публика на пароходе очень интересная и очень разнообразная, – рассказывал Кропоткин в письме Тюрину. – Вчера вечером (еще в порту) в передней части

парохода пели хором всякие песни, очень недурно, и мы перешли туда, а потом болтали обо всем. Сегодня утром опять шли беседы – конечно, о России и о войне. Мнения очень пестрые. Много интересных людей»[1682].

У входа в территориальные воды Норвегии «дежурила» германская подводная лодка, но при виде конвоя из военных судов она предпочла уйти, и «Аскольд» благополучно вошел в норвежский порт. Вступив на норвежскую землю, Кропоткин наверняка вспоминал, как в 1876 году бежал через эту страну из России. Позади была целая жизнь!

Пробыв несколько часов и переночевав в Бергене, где Петр Алексеевич застал крупную рабочую демонстрацию, Кропоткины направились в столицу Норвегии – Христианию. Железная дорога вела через заснеженное плоскогорье фьельдов – сглаженных, похожих на плато безлесных горных массивов. В одном месте, где полотно оказалось повреждено, пассажирам пришлось выйти из спального вагона поезда и нести багаж вручную. И тут они повстречались с четырьмя русскими сестрами милосердия, которые отдыхали в Норвегии. Они узнали Кропоткина, рассказывали о происходящем в Петрограде, и на глазах старика выступили слезы. Это была его первая встреча с Россией!

По дороге Петр Алексеевич сочинил заявление-«меморандум» для лидера шведских социал-демократов Яльмара Брантинга (1860–1925), который готовил проведение в Стокгольме международной социалистической конференции для выработки путей прекращения мировой войны[1683].

К идее такой конференции, как и к предыдущим усилиям социалистов в Циммервальде, Кропоткин относился резко отрицательно. Упрямый старик по-прежнему – и даже более чем когда-либо – давал волю своим антигерманским настроениям. Во всех мирных усилиях, «Циммервальдах и Стокгольмах» он видел всего лишь «искусные маневры» правящих кругов Германии, стремящихся избежать неминуемого поражения[1684]. В том же ключе был выдержан и его меморандум Брантингу. Кропоткин обрушился на лозунг мира «без аннексий и контрибуций» и ратовал за то, чтобы любой мир заключался на условиях возвращения Франции регионов Эльзас и Лотарингия, захваченных Германской империей в 1871 году. Он желал также создания независимой Польской республики, освобождения Сербии, других южных славян из-под власти Германии и Австро-Венгрии. Он требовал разрушения центрально-европейских империй[1685]. Ликвидации колониальных империй стран Антанты он «почему-то» не требовал! Текст заявления Кропоткина был переведен в Христиании на норвежский язык женой английского журналиста и по телеграфу отправлен в Стокгольм.

Но антивоенные настроения не давали о себе забыть и здесь. На пароходе и в поезде ехали самые разные люди, и они по-разному относились к мировой войне. Среди спутников Кропоткина оказались и жившие в Лондоне противники войны, и «большевистски» настроенные делегаты от одной из русских дивизий, сражавшихся во Франции.

В Норвегии у Кропоткиных буквально не было ни одной свободной минуты. «Встречи, приемы, столько ласки от норвежцев и от русских комитетов, – рассказывал Петр Алексеевич в письме Тюрину. – Русские консулы просто с ног сбились, принимая всюду

возвращающихся эмигрантов. В отелях нет мест, и, при всем добром желании, далеко не всем удастся найти кровати. Спят на полу по двое на матрасе, а консула платят по 10 крон за такой матрас. Здесь нас посетил и замещающий русского Посланника»[1686].

Переночевав в норвежской столице, Кропоткины в спальном вагоне отправились дальше, в Швецию. На вокзале их тепло провожали студенты. Они принесли цветы. В Стокгольме, где Кропоткины оставались с семи утра до четырех часов дня, программа также была более чем насыщенной: вручение роз толпой фанатов из числа местных студентов, прием, устроенный местным русским комитетом, интервью, разговоры, встречи со старыми друзьями...[1687]

На вокзале удалось увидаться с Брантингом и членами международного социалистического комитета. Разговор продолжался около часа. Идея Брантинга – «верная, по крайней мере, что касается состава конференции, если не ее цели, – сообщил Петр Алексеевич Тюрину. – Он сразу увидал, что если залпом созвать конференцию, то она не выразит ничьих мнений и ее сорвут агенты германского правительства. Боюсь, что, и затянувши ее созыв, Брантинг ничего не добьется. Агенты Германии за это время уже успели набрать много сил и работают вовсю»[1688]. Таким образом, Кропоткин повторил собеседникам свое отрицательное отношение к мирным усилиям – на сей раз лично. Те были наверняка готовы к этому, но это вряд ли уменьшило их разочарование!

* * *

Рано утром 9 июня Кропоткины выехали на поезде в сторону Финляндии, но по дороге им пришлось задержаться на целых двенадцать часов. Три их чемодана, которые они сдали в Бергене, застряли по дороге в Швеции. Вот вам и знаменитая «скандинавская упорядоченность!». 10 июня поезд оказался наконец на территории Российской империи – в Финляндии. В пограничном Торнео был устроен торжественный митинг. «Солдаты пожелали поговорить со мной... – сообщил полный энтузиазма Петр Алексеевич Тюрину. – Я говорил не речь, а беседовал. Милые бесконечно. После меня говорил один русский, побывавший в немецком плену, а потом выступил ленинец». К радости Кропоткина, антивоенного агитатора «отделал» офицер: «Умно, без задирок, но горячо и преумно!»[1689] Белой северной ночью поезд прибыл в финский город Улеаборг (Оулу): встречать Кропоткина выстроилась сотня солдат, ему преподнесли тюльпаны, и оркестр играл «Марсельезу». Выступлению эмигранта, возвращающегося домой со слезами на глазах, вторили крики: «Да здравствует вольная Россия, да здравствует вольная Финляндия!»

Было ли это действительно народным энтузиазмом? Понимал ли Петр Алексеевич, что власти «новой России», чье население чем дальше, тем меньше желало воевать, целенаправленно используют его для милитаристской пропаганды? Вероятно, да, понимал. Но его, это похоже, не слишком смущало: он был убежден, что таким образом помогает защитить молодую революцию от угрозы монархической реставрации под пацифистским флагом. «Всю дорогу от Торнео до Петрограда мне пришлось говорить гарнизонам, выходявшим меня встречать (в Рихимяки – под ружьем со знаменем), так как офицеры говорили, что среди них ведется сильная большевистская пропаганда, – писал Кропоткин Тюрину. – Я говорил, и, например, в Рихимяках мы поклялись друг другу лечь костями, если

нужно, но отстоять Петроград. "Не дадим, не дадим", клялись все. В Выборге отмалчивались: несколько большевиков»[1690].

На железнодорожных станциях ждал почетный караул с оркестром. В Белоострове, где Петра Алексеевича встретила племянница, Кропоткин принял в вагоне представителей общественных организаций и печати и долго говорил с ними о необходимости выиграть войну, пойти на жертвы и объединить общество. Он выражал готовность, несмотря на возраст и состояние здоровья, работать на благо новой России. Репортеры и друзья ехали вместе с ним до Петрограда в его купе второго класса. Они без конца теребили его вопросами, не давая передохнуть...[1691]

В два часа ночи 14 июня (1 июня по старому стилю), с опозданием на три часа, на Финляндском вокзале Петра Алексеевича, вернувшегося в Россию после почти сорокадвухлетнего изгнания, встречала шестидесятитысячная толпа с флагами и цветами. Был выставлен почетный караул Семеновского полка с оркестром, игравшим «Марсельезу». Среди тех, кто приехал приветствовать «старейшего из мучеников русской революции»[1692], были министры Временного правительства Александр Федорович Керенский (1881–1970), Матвей Иванович Скобелев (1885–1938), Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) и Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933), лидеры партии кадетов Павел Николаевич Милюков и Максим Моисеевич Винавер (1863–1926), старый друг Николай Чайковский, представители трудовиков, эсеров, Исполкома Петроградского Совета, рабочих и военных организаций... Были и журналисты... И оставили Кропоткина недовольным. Он пожаловался Чуковскому: «Меня на Финл[яндском] вокзале встретили репортеры; я стал с ними беседовать, и ни один из них не записал беседы точно. Все переврали»[1693].

Толпа вела себя не хуже фанатов кинозвезды или сверхпопулярного певца. Шестидесят тысяч человек рванули к вагонам. Почетный караул из солдат Семеновского полка не смог их сдержать. Поклонники рвались к Кропоткину, желая нести его на руках. Одежду на лоскутки-сувениры, конечно, не рвали, но для семьи старых революционеров первый день в России едва не стал последним днем их жизни. И если Петр Алексеевич чуть не был удушен в объятиях, то сбитая на землю Софья Григорьевна едва не погибла под ногами поклонников своего мужа. Группе семеновцев стоило колоссальных усилий выволить Кропоткиных из толпы и провести их в здание вокзала[1694]. «Почетный караул от семеновцев. Так и не добрался до него... – записал Кропоткин в дневнике. – Когда я вышел, меня безусловно чуть не раздавили. Саша (дочь. – Авт.) едва упростила оркестр семеновцев замолчать... Офицеры хотели нести меня на руках. Я отказался. Соню чуть не растоптали. Тогда 8 офицеров... схватясь руками, окружили меня кольцом... с невероятными усилиями пробивались сквозь колышущуюся толпу. Пробились не к караулу, а к зале, где меня ждали Керенский и несколько других министров и Н. В. Чайковский. Приветственные речи. Коротко ответил. В 3 часа ночи добрались до автомобиля»[1695].

Анархистские организации встречать Кропоткина демонстративно не пришли.

А следующие две-три недели Петр Кропоткин знакомился с политической, экономической и военной ситуацией, со свойственной ему любознательностью вникая во все. «Приходилось все время переходить от умиления к ужасу и от ужаса к умилению»[1696]. Точнее и не

выразишь ситуацию, как в этой фразе из письма Кропоткина к Тюрину.

О чем думал и что собирался делать Петр Алексеевич в революционной России? Казалось, сама обстановка революции, связанная с расцветом общественного самоуправления, самоорганизации, должна была пробуждать в Петре Алексеевиче веру в либертарные перспективы ее развития. «Его надежды на либертарное будущее никогда не были более радужными, ибо в 1917 году произошло стихийное появление коммун и советов, которые могли бы составить основу безгосударственного общества»[1697], – так оценивает настроения Кропоткина Пол Аврич. Так ли это?

Свою «программную» речь, из которой видно, что было у него на сердце в те дни, Петр Алексеевич произнес 10 июня (по старому стилю), выступая перед отправлявшимися на фронт офицерами Академии Генерального штаба. Приветствуя долгожданную революцию, Кропоткин снова обрушился на призывы к братанию войск и народа «с германцами». Он обвинил Германию и Австро-Венгрию в подготовке и развязывании мировой войны – как будто противоположная сторона все время являла собой пример миролюбия – и снова, как завзятый либерал или марксист-прогрессист, ищущий «меньшее зло», провозгласил сотрудничество с буржуазными демократиями Запада против империй, долго бывших союзниками царизма. «Как можно было брататься с германцами после того, как Россия вступила в союз с главными демократиями современного мира, именно для того, чтобы воспротивиться таким захватам и завоеваниям Германии! – восклицал старик. – Вступая в союз с Францией, провозгласившей "права человека", т. е. политическое равенство всех граждан, в такую пору, когда вся Европа жила еще под гнетом монархий "Божией милостью", и с английской демократией, сумевшей даже при королевской власти создать политическую свободу, какой Германии не дожидаться, может быть, еще через сорок или пятьдесят лет, причем английская демократия сейчас уже вырабатывает ряд учреждений, несомненно ведущих ее к водворению новых, коммунистических форм жизни; вступая наконец в союз с великой американской демократией, которая первая провозгласила полтора столетия тому назад "права человека", ныне признанные основой жизни всякого свободного народа, в том числе и обновленной России, – не связали ли мы себя обещанием борьбы именно против политической формы полусамодержавия, свойственной Германии и Австрии»[1698]. Старый народник Николай Чарушин вспоминал, что в своей беседе с ним летом 1917 года Кропоткин очень надеялся на развитие английского рабочего движения (кооперативов и профсоюзов), его перестройку на анархистских принципах «снизу вверх»[1699].

Каким же наивным надо было быть Петру Алексеевичу и как плохо представлять себе социальные реалии России после сорока с лишним лет отсутствия в ней, чтобы собраться увлечь, к примеру, государственно настроенное русское кадровое офицерство перспективами «новых, коммунистических форм жизни»! И однако же тщетные надежды на «всемирное» единство на пути к грядущей свободе не оставляли бывшего эмигранта на протяжении всего дооктябрьского периода...

Да и антигерманские настроения кипели в нем. Книжник-Ветров, в то время депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, посетил Кропоткина 29 июня. Та самая дача голландского консула на Каменном острове... Кропоткин критиковал русских

революционеров, утверждая, что они «идут на поводу у немецкой социал-демократии», которую подозревал в неискренности и интриганстве. Даже рост антивоенных демонстраций, массовых протестов в Германии он воспринял как провокацию кайзера Вильгельма, «потому что он видит, что ему не совладать с американцами, и бьет отбой в войне подготовкой движения внутри страны»[1700].

Так начались последние годы жизни Кропоткина в охваченной революцией России. Дочь Саша нашла для родителей вместительную квартиру на пятом этаже дома № 10 на Рыночной улице (сейчас Гангутской). Шестиэтажный доходный дом М. А. Невинского с эркерами, балконами и лифтом был построен в 1910 году в стиле модерн. Петр Алексеевич гулял по Петрограду и вспоминал былое. «Знаешь ли, Петербург... совсем не изменился с тех пор, как я его видел в последний раз, – рассказывал он племяннице Екатерине Половцовой. – И эта картина так же красива сейчас, как и тогда, когда меня везли в закрытой карете в Петропавловскую крепость и когда я твердо знал, что прощаюсь надолго со всеми!» Но, подойдя к Николаевскому госпиталю, Кропоткин понял, что поторопился с выводами: оказалось, что вокруг все настолько стало иным, что он с трудом мог узнать памятное место[1701].

После того как Петр Алексеевич несколько недель провалялся в постели, спасаясь от назревавшего воспаления легких, по совету племянницы Кропоткины вместе с дочерью и ее мужем перебрались на уже упоминавшуюся дачу нидерландского консула Генриха Гильзе ван дер Пальса на Каменном острове – дом № 45 на Средней линии, на углу с 1-й Березовой аллеей. Там старики могли насладиться теплым летом, на сей раз свободным от петербургской сырости, чистым воздухом и сравнительной отдаленностью от центра, что оберегало покой Петра Алексеевича от наплыва посетителей[1702].

Несмотря на недавнюю тяжкую болезнь, он отказывается от любых привилегий. Морское министерство и другие ведомства Временного правительства предлагали Кропоткину в неограниченном пользование самые лучшие автомобили – только позвоните по телефону. Кропоткин отклонил и это, как и большинство других просьб и предложений. «Мы с тобой, Каточек, на трамвайчике!» – говорил он Половцовой, брал шляпу в руки и... после долгих уговоров и рассказов про духоту в трамваях соглашался нанять извозчика...[1703]

Незадолго после переезда в хоромы Каменного острова его навестил Николай Чарушин. Несмотря на то что из-за недомогания Кропоткин говорил с ним полупшепотом, «встреча была сердечная, такая же простота, приветливость и задушевность, что были и раньше»[1704].

* * *

...Керенский покинул дачу, недовольный отказом упрямого анархиста стать ширмой для политических игр. Но и списывать Кропоткина со счетов было рано. «Нехорошо быть старым в такие минуты»[1705], – любил повторять он. И действительно, он пытался играть роль посредника в переговорах между разными политическими силами. «Сколько мог, помогал людям согласиться на чем-нибудь и направить усилия на строительство внутренней жизни,

доходящей до большой разрухи»[1706].

Об этой стороне его деятельности немного рассказывает в своих дневниках одна из активных деятельниц партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962). 27 июня она впервые посетила Кропоткина на даче. 17 июля она повторила свой визит. На сей раз – после переговоров с Милюковым. Тыркова рассматривала Кропоткина как посредника при переговорах о новой правительственной коалиции и хотела, «ч[то]б[ы] он устроил беседу ответств[енных] представителей» социалистов-оборонцев и либералов[1707].

В разговоре выяснилось скептическое отношение Кропоткина к российским социалистам: «Он считает, что весь марксизм построен на обманных навыках. Еще Маркс на первом съезде Интернационала подделывал мандаты. Его последователи проводят им намеченную тактику. Но беда в том, что и [э]с[е]р[ы] в огромном большинстве пораженцы. Чернов был в Циммервальде, потом читал в Лондоне лекцию, где одобрял все их постановления. Так же смотрел и Натансон. Во всей партии только несколько настоящих патриотов, 5–6 не более. Это Керенский, Брешко-Брешковская, Савинков, м[ожет] б[ыть], Авксентьев. Поэтому на господствующие социал[истические] партии нельзя опираться в обороне»[1708]. Единственный политик, с которым Кропоткин согласился переговорить, был Георгий Плеханов, в то время возглавлявший небольшую социал-демократическую организацию «Единство». К концу переговоров на даче появился бывший премьер-министр Львов[1709]. Сыграл ли Кропоткин роль посредника в переговорах о новом составе правительства – неизвестно...

Впрочем, к политикам он по-прежнему относился скептически и с иронией отзывался об их стремлении к показухе и роскоши в смеси с жадностью. В конце июля, беседуя с писателем Корнеем Ивановичем Чуковским (1882–1969), Петр Алексеевич, морщась, обронил: «А вот сегодня я был в Зимнем дворце у Керенского – и на нас, 4 человек, дали на огромной тарелке с царскими вензелями, с коронами – четыре вот таких ломтика хлеба... И вода!.. Мы с Сашей переломили один ломтик – а остальное оставили Керенскому»[1710].

* * *

Время от времени он выступал на митингах, призывая продолжать войну с Германией. Все еще надеялся на то, что все силы, выступавшие против самодержавия, преодолеют разногласия и станут трудиться сообща ради строительства нового. Стараясь поддержать единство всех политических сил в борьбе с Германией и ее союзниками, летом 1917 года Кропоткин пишет «Обращение к украинскому народу», призывая украинцев остаться в рамках Российской республики, создаваемой как федеративный союз по типу США, Канады и Швейцарии[1711]. При этом в рамки федерации с широким самоуправлением регионов, создаваемой на месте Российской империи, он включает «народы Украины, Польши, Литвы, Финляндии, Кавказа, Сибири»[1712]. Разрешение же вопроса о будущей федеративной республике он призывал отложить до созыва Всероссийского Учредительного собрания[1713].

В августе 1917-го министр-председатель Керенский пригласил Петра Алексеевича принять на индивидуальной основе участие в Государственном совещании, которое было создано Временным правительством в попытке добиться ускользавшей общественной поддержки. Кропоткин отправился в Москву.

На второй день работы совещания перед открытием Петр Алексеевич успел съездить на автомобиле вместе со своим зятем и секретарем Борисом Федоровичем Лебедевым в Штатный переулок, где когда-то жила его мать. Осмотр дома вызвал волну старых воспоминаний...

15 (29) августа Кропоткин выступал на Государственном совещании. Вернувшись в Россию после стольких лет отсутствия и оказавшийся совершенно не в состоянии понять, что происходит вокруг, он снова и снова повторял благостные слова о необходимости для правых и для левых сплотиться ради блага революционной родины, предотвратить назревающую гражданскую войну и приступить к строительству «новой жизни на новых, социалистических началах», при которых хозяйственные знания и умения предпринимателей – владельцев капиталов соединятся с «энергией демократических комитетов и советов». Кропоткин призывал объявить Россию демократической и федеративной республикой[1714].

Что же, ему уважительно и вежливо аплодировали. «Весь зал вскочил на ноги и устроил бурную овацию. Она продолжалась долго: минуту или полторы, – радостно сообщал Петр Алексеевич Тюрину. – Я обвел глазами всю залу, весь партер, вся левая в ложах – на ногах. И к моему удивлению, – вся правая – тоже; особенно поразил меня бельэтаж (промышленники, финансисты), все время будировавшие и демонстративно остававшиеся безмолвными при демократических овациях левой»[1715].

Как вспоминал Милюков, вскоре встретивший Кропоткина «за кулисами сцены», старик был взволнован и не уставал агитировать собеседников: «...он был оживлен необыкновенно и продолжал говорить на тему своего выступления, убеждая, уговаривая, почти прося»[1716]. По сути дела, это было единственное предложение на Государственном совещании, единогласно одобренное всеми делегатами.

Конечно, каждая из политических сил в действительности понимала всю наивность таких оторванных от реальной жизни речей. Предприниматели могли вдоволь посмеяться в тиши своих деловых кабинетов над призывами старика помочь в социалистическом переустройстве России: они как раз в это время закрывали предприятия и массами увольняли рабочих. Сочувственно отзывавшийся о Кропоткине Милюков выделил из речи Кропоткина лишь лозунг провозглашения республики, но годы спустя даже не мог вспомнить, о чем еще говорил старик[1717]. Вероятно, он счел остальное в его речи откровенно неважным или слишком наивным...

Не приняло «нового» Кропоткина и российское анархистское движение. Издание харьковских анархистов «Хлеб и Воля» даже назвало выступление на Государственном совещании «политической смертью» ветерана и откликнулось на него особым «некрологом»: «Тяжело было нам присутствовать при этой мучительной агонии. Но еще

тяжелее было слышать его голос на московском совещании, где П. А. Кропоткин как анархист умер для нас окончательно... Посвятивший всю свою жизнь борьбе с государством, Кропоткин принял участие в государственном деле. Он старался лишить трудящихся их права на самоосвобождение и, забывая о шествующей социальной революции, убеждал совещание в том, что и после революции будут победители и побежденные, будут взимающие и платящие контрибуции. Указывавший всегда на гибельно-разрушительную работу власти, он защищал демократически-республиканский строй с крепким правительством, которое явно и тайно распоряжалось бы судьбою народа, укрепившего бы капитализм и толкавшего бы массы на новые и новые боины во имя его процветания»[1718].

Ругали, хоронили как анархиста... В чем-то были правы, конечно, но все же... «Редки, исключительны были Кропоткины, которые сами отказались от министерских портфелей, от должностей посланников, от комедии выборов»[1719], – напишет анархист Александр Атабекян в ноябре 1917 года. И верно, все ли из тех, кто тогда ругал его, Петра Кропоткина, отказались потом от престижных должностей? Все ли они имели моральное право бросить в него камень? Все ли поступили, как анархо-синдикалист Всеволод Михайлович Волин, в недалеком будущем – один из создателей Конфедерации анархистов Украины «Набат» и виднейший участник махновского движения, «дядька Волин», о котором, как и о «батъке Махно», крестьяне-повстанцы пели песни? Он отклонял посулы большевистских властей и отказывался от ответственных постов – если верить историку Полу Авричу, вплоть до поста наркома просвещения Украины[1720]. А вот, например, анархо-синдикалист Владимир Сергеевич Шатов (1887–1937). Вместе с большевиками он будет одним из организаторов Октябрьского переворота. А потом, в годы Гражданской войны, займет посты комиссара петроградской милиции, министра путей сообщения и иностранных дел Дальневосточной республики. Или Илья Моисеевич Гейцман (1879–1938) и Герман Борисович Сандомирский (1882–1938), занявшие важные посты в аппарате Наркоминдела. Первый стал консулом в Китае, работал в дипломатической миссии РСФСР в Чехословакии, второй – руководил Балканским отделом наркомата. И правда, «редки, исключительны Кропоткины». Не Гейцманы, не Сандомирские и не Шатовы...

К концу совещания в Москву приехала и Софья Григорьевна. Кропоткины собирались теперь остаться на зиму во «второй столице». Они поселились в самом центре города, в доме № 44 на Большой Никитской улице, и могли общаться с многочисленными друзьями и знакомыми. Но через несколько дней Петр Алексеевич слег с гриппом и двенадцать дней вынужден был не выходить из квартиры, а затем он и Софья Григорьевна заболели желудочно-кишечной болезнью, которая сопровождалась высокой температурой. Их лечил профессор-медик Алексей Петрович Ланговой (1856–1939)[1721].

Ожесточение кипевшей вокруг политической борьбы разочаровывало и огорчало Кропоткина. Мятеж верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова (1870–1918), вспыхнувший 28 августа (10 сентября), по мнению Петра Алексеевича, не имел шансов на успех. «В Петербурге я ближе познакомился с Керенским и полюбил: высоко-трагическое его положение», – писал Кропоткин Тюрину. Он собирался даже поехать в Питер, чтобы поддержать премьера в дни мятежа, но болезнь не позволила ему это сделать[1722].

Но даже неудавшееся выступление военных обнажило всю глубину кризиса, который переживала Россия. Главное горе и главную опасность старик видел в дезорганизации армии и надвигающемся голоде. «Полфунтом хлеба и фунтом для мускульного рабочего нельзя прожить; а все остальное очень трудно достается, даже в малых количествах». Петр Алексеевич планировал после выздоровления помочь московской городской Думе «в строительстве и "завоевании хлеба"». Он хотел вместе с лидером Всероссийского земского союза и бывшим главой Временного правительства князем Георгием Львовым «найти нужные строительные силы в земствах и организовать Земскую Россию для неизбежной перестройки». Неудивительно поэтому, что в июне – июле 1917 года Львов был частым гостем в семье Кропоткиных. Он навестил их четыре раза, а затем бывал у них в Москве[1723].

Но старый аппарат разваливался и агонизировал, а новые административные кадры оказывались бездарными или просто ничего не хотели делать[1724]. Старый приятель Кропоткина Книжник-Ветров утверждал, что незадолго до Октябрьского восстания Керенский вновь предложил старому революционеру пост премьер-министра, «дабы использовать его авторитет и обаяние в массах». Кропоткин снова ответил отказом. А может быть, Книжник-Ветров просто вспомнил старую историю июля 1917 года, перенеся события на октябрь? Несомненно одно – предложили бы хоть десять раз снова – он отказался бы...

* * *

«Соня! Это они хоронят революцию!» – сказал старый анархист, слушая гул артиллерийских орудий восставших, обстреливавших Кремль – последний оплот сторонников Временного правительства[1725].

В ноябре Петру Алексеевичу пришлось испытать настоящие муки в дни вооруженных боев в Москве. В письме Марии Гольдсмит Кропоткин жаловался на «безнадежные» потрясения. Дом у Никитских ворот, где Кропоткины снимали две комнаты, находился неподалеку от площади, и стоявшие на ней строения обстреливались с обеих сторон: «Ружейные залпы, трескотня пулеметов, гул тяжелых орудий и вой гранат продолжались дней 5; нельзя было даже выйти во двор, не слыша свиста пуль... Соня жестоко страдала от рева каждого пушеч[ного] выстрела, а я – вы угадаете мои мысли». Но, несмотря на это, уверял Петр Алексеевич, он «не терял надежды – и теперь не теряю – и работал сам по себе, в одиночку, и буду работать»[1726].

Впрочем, были и противоположные отзывы о том, как Кропоткин воспринял эти события. В 1921 году анархист Герман Сандомирский, поддерживавший политический курс РКП(б), писал, что Кропоткин «одобрил» «октябрь и тогдашнюю роль большевиков». На чем он основывал эти выводы? Осенью 1917 года, в дни, следовавшие после боев в Москве, Сандомирский присутствовал при споре одного из старых участников анархистского движения с Кропоткиным. Возможно, речь шла об Атабекяне, издавшем брошюру «Кровавая неделя в Москве». Александр Моисеевич критиковал действия большевиков и их союзников, обвиняя лидеров РСДРП(б) в организации «кошмарной, братоубийственной войны»

исключительно в целях захвата власти[1727]. «И некому объяснить народу, что не бесполезным преступным пролитием братской крови, не во время гражданской войны за захват власти совершается социальная революция, а организованным переходом производства в руки трудового народа, без власти, в политической анархии!»[1728] – писал Атабекян, один из немногих анархистов, кто решился отвергнуть союз с большевиками и призвать товарищей по движению к бойкоту новой власти.

Однажды Кропоткин обсуждал с гостями-анархистами октябрьские бои в Москве... Разговор вспыхнул во время прощания, в передней старинного дома с колоннадой на Большой Никитской улице. С улицы проникал холодный ветер, гости слушали, а пожилой революционер ораторствовал: «Все разговоры о "громадных жертвах" в Москве – пустая болтовня. Я не советую вам повторять и шаблонных, но непроверенных рассказов о "жестокостях". Сравните с Францией...»

Так говорил Кропоткин, «отчеканивая каждое слово и со строгостью в голосе». Затем он прочитал гостям-анархистам целую лекцию, называя цифры жертв революционного террора, восстаний и боевых действий во Франции 1789–1793 годов. «В московском октябре не было проявлено жестокости, жертвы его ничтожны по сравнению с цифрами, оставленными историей революции [17]89– [17]93 гг.»[1729], – такой вывод, как утверждает Сандомирский, сделал Кропоткин. Затем, продолжая свои сравнения, Кропоткин назвал большевиков «уравнителями» и подытожил: «Уравнители. Их очень любили и ценили массы во Франции. Они будут иметь успех и у нас»[1730].

И прежде, чем перед Сандомирским «распахнулась дверь дома № 44-а и холодный ветер прояснил разгоряченные беседой мозги», Кропоткин якобы заявил о своем признании большевиков и Октябрьского переворота: «"Уравнители". Произнес П[етр] А[лексеевич] это слово не только без иронии, но веско – и с видимым одобрением. Прозвучало в споре как будто бы: "Ну, что же, они, конечно, – не анархисты, как мы с вами, но зато уравнители. Хорошо и это"»[1731]. Вот и все... Но здесь невозможно найти слов одобрения действиям большевиков. Кропоткин в очередной раз выступает перед нами в амплу аналитика, историка, сравнивающего эпохи и обозначающего место, которое занимает та или иная политическая сила в сложившейся обстановке. Возможно, более серьезного кровопролития в будущем все же удастся избежать. А так – ну, перешла власть от одних к другим. Главное же не это, а то, что делают сами народные массы, «снизу».

* * *

Антигермански настроенного старого революционера тревожили и перспективы германского наступления. Возможно, в его сознании это пересекалось с широко распространившимися слухами о германской поддержке большевиков. Осознавал он и ситуацию с развалом военной машины России, уже неспособной сдержать наступление австро-германских армий. Отсюда свидетельства о панических настроениях с его стороны. Так, Прасковья Евгеньевна Мельгунова-Степанова (1881–1974), супруга известного историка и одного из активистов Трудовой народно-социалистической партии С. П. Мельгунова, свидетельствует, что 30 ноября 1917 года Кропоткин заявил однопартийцам мужа,

пришедшим поздравить его с семидесятипятилетием: «...он слышал, что большевики собираются посадить на престол Алексея, а регентом Генриха Прусского. В условиях мира, между прочим, оккупация Петербурга, комиссары немцев во всех областях, сдача немцам оружия и 15 лет торговли»[1732].

Он сравнивал происходящее в России со страшным землетрясением, произошедшим в 1908 года на Юге Италии[1733], когда погибли до ста тысяч и пострадали более двухсот тысяч человек, и был на грани самоубийства... В один момент Кропоткин даже собирался спустить курок, сведя последние счета с жизнью:

«- И как хватило сил пережить все это. Как хватило - не знаю. Ведь я задохался... задохался. - Петр Алексеевич понизил голос. - Знаешь ли, была минута, когда я вынул револьвер из стола и положил возле себя... так было невыносимо жить. Только страх подать пример малодушия остановил меня...»[1734] - так передает слова Кропоткина Брешко-Брешковская. В конце зимы 1917 года она беседовала с ним в московской квартире, где в то время жила семья Кропоткиных.

Тяжко, невыносимо, когда, кажется, вокруг рушится все, что составляло твою жизнь, когда все утрачивает смысл... Когда, как писал Акутагава Рюноске незадолго до того, как покончить с собой, существуешь, «словно опираясь на тонкий меч со сломанным лезвием»[1735]. Но старый революционер-«висельник», как он себя называл, не мог позволить себе то, что считал слабостью!

Петру Алексеевичу были ясны трудности любой конструктивной деятельности в период гигантских и конвульсивных потрясений. Разруха, казалось, охватила все. Экономика рушилась, заводы останавливались, деньги обесценивались галопирующей инфляцией. «Идет такая ломка, что пока строительная работа невозможна», - жаловался Кропоткин 20 декабря 1917 года в письме Тюрину. Планы заняться вопросами демобилизации и одновременной социальной реконструкции, которые Петр Алексеевич, избранный председателем «Общества сближения с Англией», рассчитывал осуществить при помощи Великобритании, пришлось оставить[1736].

Оставались надежды на местное самоуправление - Земский союз и Союз городов. Беседуя с их активистами, Кропоткин рассчитывал обнаружить в этих движениях живую силу, от которой «могла бы пойти вдумчивая и осмысленная работа, столь нужная теперь для перестройки всей нашей жизни». Но и этот «последний центр» рассыпался[1737].

Жить становилось все труднее. В начале 1918 года по городам прокатилась волна голодных бунтов. Снабжение становилось хуже и хуже. Хозяйева квартиры, на которой жили Кропоткины, помогали им и делились с ними продуктами - молоком и мукой, когда те удавалось достать. Да и есть он мог далеко не все, здоровье не позволяло. Об этом, например, красноречиво свидетельствует Валентин Федорович Булгаков (1886-1966) - бывший секретарь Толстого и один из лидеров толстовского движения. Вместе с Софьей Андреевной, внучкой Льва Толстого, он посетил Петра Алексеевича летом 1918 года в Москве. «Узнавши, между прочим, что по состоянию своего здоровья Кропоткин не может есть черного хлеба, а достать белый хлеб в Москве тогда было невозможно, я прислал ему

потом белых сухарей – из посылки, полученной мною от матери из Сибири. Кропоткины были за это очень благодарны...»[1738]

* * *

Главное, что старался теперь предотвратить старый революционер, – это концентрация власти в духе якобинской диктатуры. Для этого, полагал он, необходимы в первую очередь политическая децентрализация, федеративные отношения между центром и регионами, регионами и общинами, широкое развитие массовой самоорганизации, самодеятельности и самоуправления «снизу». Только они, по его мнению, и могли обеспечить дальнейшее развитие российской революции и способствовать – когда-нибудь в будущем – переходу к анархическому социальному строю.

В декабре 1917 года Кропоткин выступил одним из организаторов Лиги федералистов и был избран ее председателем. Это объединение, в которое вошли деятели с различными политическими убеждениями, должно было заниматься пропагандой идеи децентрализации и федерализма. Планировалось издание серии материалов, включая такие выпуски, как «Очерки федеративного движения в России», «Вопросы федеративного строительства» и «Организация Великороссии – центральной России». Сборники должны были освещать проблему с разных сторон: географической, этнографической, экономической, политической, исторической... Шла подготовка пятитомной «энциклопедии федерального строя» из сорока статей. Кропоткин должен был стать одним из руководителей проекта[1739].

К работе над энциклопедией и другими трудами Лиги федералистов Кропоткин собирался привлечь видных представителей академической общественности, вне зависимости от их партийной принадлежности: социолога-эсера Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), конституционных демократов – юриста Сергея Александровича Корфа (1876–1924) и историка Алексея Карповича Дживелегова (1875–1952), а также украинского федералиста-демократа правоведа Богдана Александровича Кистяковского (1868–1920) и других. По свидетельству Мельгунова, издание должно было осуществить кооперативное издательство народных социалистов «Задруга». А Петр Алексеевич все больше входил в роль организатора нового издания. «Удивительный старик. С рвением юноши выполнял он свою редакторскую работу», – вспоминал Мельгунов. Но замысел так и не был осуществлен. «Жизнь вскоре разметала и авторов, и средства для осуществления этого дела, и самую идею отодвинула куда-то на задний план»[1740].

Мельгунов склонен приписывать проекту Лиги федералистов связь с народными социалистами, которым в это время якобы симпатизировал и Кропоткин: «Много душевных разговоров было у нас в то время. И старый анархист всегда говорил, что он ближе всего себя чувствует к позиции народных социалистов»[1741]. Но ни одного точного высказывания Кропоткина на сей счет Мельгунов не приводит. «Ближе всего» не значит, что он эту позицию разделял полностью и был готов поддержать эту партию в борьбе за власть. Публично эту поддержку он никогда не выражал. Да и более поздние политические заявления Кропоткина были весьма далеки от энесов, открыто поддержавших

белогвардейские диктатуры, противником которых выступил Петр Алексеевич. Вряд ли ему нравились действия старого друга Николая Чайковского, в 1918–1919 годах возглавлявшего в Архангельске правительство с опорой на британские штыки...

Да и взгляд Кропоткина на роль федерации сильно отличался от представлений народных социалистов. Об этом он открыто писал актеру Александру Ивановичу Сумбатову-Южину: «В распадении всех больших государств на федерации по всей Европе я вижу единственный исход из грозно нарастающих осложнений. Не только для различных частей Российской империи... но тем более для германских и юго-славянских народов, для Испании, Италии, Франции и Англии я считаю это необходимым, ближайшим шагом развития. Он поведет также к дальнейшему распадению государственного централизма и подготовит анархию»[1742]. Суть рассуждений Кропоткина, таким образом, становится понятна: условия для безгосударственного коммунистического общества в России еще не сложились... Но что делать? Создавать эти условия, пропагандируя и поддерживая прогрессивные политические и экономические преобразования, в какой-то мере приближающие Анархию в будущем.

Обсуждение федералистских проектов вызвало оживленные собрания по вечерам на квартире Кропоткина. Мельгунов отмечает, что здесь «собирались люди в сущности очень разных политических взглядов»[1743]. Выступая на мероприятиях, которые устраивались Лигой, Петр Алексеевич обосновывал необходимость превращения бывшей Российской империи в федерацию самоуправляющихся территорий, поскольку «только путем федеративного договора и союза может установиться единение»[1744] и только тогда люди «почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и со своим историческим прошлым»[1745]. Призывая к перестройке страны на этих основаниях, он ссылаясь на мировой опыт федерализма, исторические традиции со времен Средневековья, огромные размеры территории России, разнообразие входящих в нее регионов и населяющих их народов, а также на федералистские идеи анархизма. Экономической основой такого общественного устройства он считал развитие хозяйственных связей «снизу», прежде всего через организации развившегося в России мощного кооперативного движения.

Оптимизм не покидал его, несмотря на всю тяжесть ситуации. «Что Россия справится с разрухой, в этом я ни секунды не сомневаюсь, – писал Кропоткин Тюрину 3 января 1918 года. – Но года два-три очень тяжелых придется прожить. А затем я вижу впереди годы сильного, здорового, умного развития. Элементы для этого – богатейшие. Нужно пожить в Москве, чтобы это почувствовать. Во всех классах. Лишь бы избавиться от надвигающейся Реставрации и не дать немцам идти дальше на Петроград, Мурманск, Архангельск, на Бессарабию и Одессу и, кто знает, может быть, к туркам на Кавказ»[1746].

Но деятельность Лиги федералистов полностью противоречила политическому курсу новых большевистских властей, которые провозгласили «диктатуру пролетариата» и взяли курс на централизацию государства. «Ничего серьезного не могу делать: все так быстро меняется, – жаловался Кропоткин в письме Тюрину. – Начал было серьезную работу о социальной перестройке, ставшей вдвойне необходимой при демобилизации многомиллионных армий...

Но при социал-демократическом методе самодержавного решения всех вопросов указами – помимо народного творчества – все это, конечно, ни к чему»[1747].

Впрочем, несмотря на постепенный крах проекта пропаганды федералистских идей, Кропоткин долго не утрачивал интерес к этой теме. По свидетельству Брешко-Брешковской, встречавшейся с ним в апреле 1918 года, он все еще планировал писать большой труд, чтобы «изложить теорию федеративного начала в международном строительстве»[1748]. Он настолько был одержим этой темой, что, вспоминая о беседе с ним в это время, Екатерина Константиновна заявила: «Еще раз я видела, как далеко ушел от нашей суетной повседневной жизни мощный ум Кропоткина-анархиста и как тщетно вовлекать его мысли в сторону повседневной злобы. Он жил на много лет впереди»[1749]. И все же в этих строках прослеживается какая-то досада партийного деятеля на человека с самостоятельным взглядом на сложившееся положение. Как же так? Мы тебя так все уважаем, а ты не хочешь стать солдатом или офицером нашей армии и дать нам победу? Мы тут за власть боремся, а ты со своей колокольни смеешь смотреть, да еще и о будущем думать...

История Лиги федералистов завершилась весной 1918 года. Вместе с ней уходил в прошлое целый этап общественно-политической деятельности Кропоткина. «Уроки политического реализма»... «анархо-реформизм»... патриотизм... отказ от анархизма – такие оценки можно услышать со стороны некоторых авторов книг и статей, посвященных Кропоткину... Это неудивительно для авторов сочинений на тему «Мой Кропоткин», которые выдаются за научные исследования. Часто в жизни и творческом наследии своих героев автор ищет себя. Он ищет оправдания себе сегодняшнему, своим поискам, иллюзиям, симулякрам, надеждам, страхам, разочарованиям, успехам и фрустрациям. Оттого и герой книги становится удивительно похож на автора и его современников. Но не «умеренные» и страшящиеся революции делали историю в 1917-м и в следующие четыре года. Россия и мир требовали исторически дерзких людей, готовых на такие же дерзкие шаги вперед.

Не потому ли боящиеся исторической смелости приверженцы «умеренного прогресса в рамках закона», как выражался Ярослав Гашек, именно этот период творчества Кропоткина склонны прославлять и изображать как закономерный итог и чуть ли не вершину его идейного развития? Но как ни кощунственно это прозвучит для почитателей «Кропоткина, но только, пожалуйста, без анархизма», именно это время было для Петра Алексеевича творчески бледным и совсем неоригинальным, несмотря на достаточно большую активность. Достаточно отметить, что практически все книги, брошюры и статьи, характеризующие Кропоткина как яркого, самобытного, оригинального мыслителя, написаны либо до, либо после этого времени. Именно труды, принесшие ему мировую известность и до сих пор востребованные читателем. Книги, брошюры и статьи, написанные тогда, когда он мыслил и действовал смело и исторически дерзко...

Ну а призывы к борьбе с Германией до победного конца, примирению всех со всеми, защите демократии, созданию федеративного государства, провозглашению демократической республики ничего нового в мировую, да и в отечественную политическую мысль не привносили. Волна исторических событий пришла и принесла «пену дней». Политическая «пена дней», на время поглотившая Кропоткина, сошла и стала неактуальной. И сам он чувствовал, что актуальность его призывов пропадает не по дням, а по часам. Россия

менялась, и менялась молниеносно, и он за ней не успевал. Сам признавался в декабре 1917 года в одном из писем Половцовой: «Писать я не в силах, т. е. пишу только для того, чтобы через несколько дней убедиться, что все написанное уже не к делу, что дело обстоит иначе, и гораздо хуже, чем за несколько дней [до того]»[1750].

И он снова обратился к одной из прежних тем своего творчества – анархистской этике. Книгу с названием «Этика» он и будет писать последние годы своей жизни...

* * *

Зима 1918 года обошла Кропоткина болезнями, что было удивительно при испытываемых им переживаниях. Зато весной, с наступлением тепла, пришла новая напасть: у старика разболелись икры ног, и он почти не мог ходить. Оставалось лишь прогуливаться по бульвару, делая остановки, чтобы немного посидеть, каждые десять минут. Извозчики в Москве превратились в недоступную роскошь. Кропоткины жили теперь на новом месте – в доме Петрово-Соловово № 111 на Новинском бульваре, неподалеку от Кудринской площади[1751]. «Ему трудно было ходить, особенно в теплой одежде: одышка мучила его, сердце постоянно грозило припадком»[1752], – вспоминала о том времени Брешко-Брешковская. «Живем по-старому, – жалуется Петр Алексеевич Тюрину в письме от 26 мая 1918 года. – Тяжело жить, родной. Будущее мрачно. Хлеб пока еще добывают друзья понемногу. Но нравственное состояние. Никому не пишу поэтому»[1753]. Небольшим утешением стало то, что в издательстве Сытина удалось издать на русском две книги Петра Алексеевича – «Записки революционера» и «Великую Французскую революцию».

Но даже в состоянии, когда здоровье на полную мощь подавало сигналы SOS, Кропоткины проявляли поистине чудеса деликатности. Один из таких примеров приводит в своих воспоминаниях уже упоминавшийся нами толстовец Валентин Булгаков. Летом 1918 года он пригласил Кропоткиных посетить музей Л. Н. Толстого в Москве. И вот в назначенный день он увидел «седого, длиннородого и круглоголового» революционера с супругой на пороге музея. И тут выяснилось, что Кропоткины пришли... «только для того, чтобы извиниться в том, что в этот день и час он, к сожалению, не может осматривать музея: какое-то обстоятельство ему помешало»[1754]. Восхищенный этим поступком «истинно культурного человека» Булгаков выражал свое огорчение, ведь пара пожилых революционеров была вынуждена проделать такой путь. Ну а приветливо улыбавшийся Петр Алексеевич успокаивал его, рассказывая, «как он любит московские бульвары и что ему доставило большое удовольствие пройтись по дороге к музею по Новинскому и Пречистенскому бульварам»[1755]. Впрочем, музей он потом все же посетил, осмотрев его «подробно и с большим интересом»[1756].

Время от времени он выступал перед широкой аудиторией, демонстрируя по-прежнему большую силу убеждения, ясность, логичность и точность мысли. Булгаков и анархо-синдикалист Николай Иванович Петров-Павлов (1881–1932) вспоминают речь Кропоткина, прозвучавшую в мае 1918 года на собрании в честь десятилетия «Свободного воспитания» – педагогического журнала, издававшегося (1908–1918) толстовцами в Москве. Название издания само говорит о его концепции. Идея свободного трудового воспитания, в котором

методы убеждения, демонстрации практической пользы учебы и пробуждения интереса к изучению мира заменят насилие. Среди авторов журнала был и Петр Алексеевич Кропоткин. «Свободное воспитание» публиковало репортажи и статьи и о школах, организованных анархистами Полем Робеном и Себастьяном Фором во Франции. Вот Кропоткин в просторной аудитории Народного университета имени А. Л. Шанявского... подумать только – человека, которого хорошо знал по службе в Сибири. Петра Алексеевича «ввели с особыми предосторожностями, как особую драгоценность»[1757]. И вот он на кафедре – «в своей стихии» оратора. Его доклад был посвящен интеграции труда. «Он доказывал перед слушателями, что только путем добровольных соглашений, съездов, федеративных связей между отдельными организациями создавался весь прогресс человечества – промышленный, технический и научный; соединение умственного с ручным, городской промышленности – с земледелием»[1758], – вспоминал Петров-Павлов. «Говорил он прекрасно и живо, не пользуясь никакими конспектами. Старость нисколько не отражалась на его речи»[1759], – свидетельствовал Булгаков. Аудитория устроила Кропоткину «долго-несмолкаемую овацию»[1760].

Отношения Кропоткина с российским анархистским движением оставались сложными. Он помогал переизданию своих старых работ по анархизму, писал к ним актуальные предисловия и сочинил ряд новых брошюр и статей («Анархия и ее место в социалистической эволюции», «Что такое анархия?», «Идеал в революции», «Аграрный вопрос», «Политические права» и др.). Очевидно, германская интервенция против революционной России и отрицательное отношение анархистов к Брестскому миру отодвинули их разногласия с Кропоткиным на второй план; резкие нападки на него в российской анархистской литературе прекратились. Но хотя Петр Алексеевич поддерживал контакты с анархистскими активистами, он держался в стороне от всех существовавших анархистских групп и никогда не высказывал каких-либо суждений или оценок на их счет.

Знаменитый командир украинских повстанцев, анархист Нестор Иванович Махно вспоминал: когда он летом 1918 года навестил Кропоткина в Москве, тот заинтересованно обсуждал с ним проблемы борьбы крестьянства Украины, в том числе сопротивления германско-австрийским оккупационным войскам, но «категорически отказался» давать какие-либо советы[1761]. Позднее Петров-Павлов, встречавшийся с Кропоткиным, вспоминал, что тот приветствовал антигерманское восстание крестьян на Украине, в котором участвовал и Махно[1762]. Впоследствии махновцы через доверенных лиц иногда доставляли старому революционеру продовольственные посылки из Украины...[1763] Одну из них Махно сопроводил письмом:

“ Кроме того, очень важно было бы для крестьян, если бы Вы написали в нашу газету статью о социальном строительстве в деревне, которая еще не заполнилась мусором насилия.

Пока будьте здоровы.

Жму крепко Вашу руку.

*Уважающий Вас
«Батько» Н. Махно
Гуляй-Поле, 30 мая 1919 года»[1764].*

Вскоре Петр Алексеевич начал восстанавливать контакты с российскими анархистами. «Он всегда проявлял очень глубокий интерес к анархистскому движению и с большим вниманием читал анархистские газеты»[1765], – писал в 1949 году Григорий Максимов канадскому историку Вудкоку. Максимов привел ряд примеров: «Однажды, когда он жил в Москве, совершая обычную прогулку, он заметил на ул. Поварской вывеску нашей организации „Вольный Голос Труда“, не задумываясь зашел с женой и очень горячо общался с товарищами. Он спрашивал о деятельности организации и давал советы. Во второй раз он посетил нашу организацию в переулке Чернышевского. На этот раз Кропоткин обратил внимание товарищей на некоторые из моих статей в нашей газете „Голос Труда“ и сказал: такие статьи вы должны публиковать в форме брошюры и распространять тысячами, как мы это делали в наше время. Я не присутствовал при этих двух визитах Кропоткина»[1766]. В то же время сохранилось немало свидетельств о том, что деятели анархистского движения неоднократно бывали у него в Дмитрове, куда Кропоткин перебрался позднее. Так, Максимов вспоминал, что дважды лично навещал Петра Алексеевича[1767].

В июле 1918 года, перед отъездом Кропоткина в Дмитров, к нему приезжал Николай Петров-Павлов со своей женой Анной. Николай, после побега с каторги в 1911 году, долгие годы жил в Японии и Маньчжурии. Они беседовали о Японии. Кропоткин рассказывал о казненном японскими властями анархо-синдикалисте Котоку, с которым дружил и переписывался долгие годы. Узнав, что Николай и его жена – рабочие, Кропоткин стал очень приветлив и рассказал, «как он в молодые свои годы ходил в трудящий народ, какое горячее участие принимал в Юрской Федерации, восторгаясь юрскими часовщиками, суконщиками и вообще рабочим людом»[1768]. Выслушав рассказ Петрова-Павлова о его профсоюзной деятельности, Кропоткин «вынес одобрение в том, что анархистам безусловно всем следует работать в самой гуще рабочей массы профдвижения». Затем он говорил о роли профсоюзов, артелей и свободной кооперации в налаживании производства[1769].

Позднее, в 1919–1920 годах, Петров-Павлов организовал среди московских пекарей передачу части пайков (ржаная мука и соль) в помощь Кропоткину. Он лично отвез собранные продукты в Дмитров и передал Петру Алексеевичу. Они беседовали об истории анархистского Интернационала, о конгрессах в Вервье и Генте. Вспоминали Амурский край, в котором побывали оба. Кропоткин – как офицер и исследователь, а Петров-Павлов – как политкаторжанин, в 1909–1910 годах работавший на строительстве дороги и при помощи жены совершивший побег в Японию. Кропоткин рассказывал ему о своих исследованиях горных хребтов, общении с казаками и представителями сибирских народов. Оба до хрипоты спорили о Первой мировой войне, отстаивая столь разные позиции...[1770]

* * *

Каков запах социализма? Нет! Это совсем не одеколон «Аромат Ленина» из советского анекдота! И не туалетная вода «Че Гевара»... «Слышите, как пахнет бытом? Ничего, что быт

бедненький, он подкормится. Радуйтесь, мосье Дэле, – здесь больше не ходят на голове. Ходят на обыкновенных, только сильно отощавших ногах»[1771], – устами героя своего романа сказал о Москве начала 1920-х годов писатель Илья Эренбург. Хулио Хуренито, тот самый герой романа. Авантюрист, бунтарь, провокатор, близкий по духу то ли анархистам, то ли ситуационистам, то ли сюрреалистам, так и погибнет... по бытовой причине. Кому-то понравятся его сапоги. А в годы, когда даже сломанная расческа была невосполнимой потерей, хорошие сапоги могли заинтересовать потенциального убийцу. Ну а летом 1918-го пахло едой... Страшно росли цены, и на носу было введение карточек на продукты питания. Это понимает и Кропоткин...

«В конце восемнадцатого века, когда социализм зарождался из продовольственных затруднений французской революции, в июне 1793 года, первым его лозунгом было "Первый год Равенства", причем Равенство понималось как обеспечение благосостояния для всех при помощи социализации потребления. Социализация производства естественно вытекала из социализации потребления. <...> Ланж и Фурье, оба пережившие те же ужасы голода, что теперь переживает Россия (тоже во время своей революции), они оба поняли, что прежде всего нужно организовать прокормление всех в союзе потребителей, и это естественно приведет к организации союзного производства»[1772], – напишет Кропоткин в открытом «Письме к сибирским кооператорам».

Он написал это 3 июля 1918 года. Через три дня в Москве начнется восстание левых эсеров. Начало ему положит убийство германского посла Вильгельма фон Мирбаха. Восставшие будут обстреливать Кремль из пушек, арестуют председателя ВЧК Феликса Дзержинского. Думается, нет второго ответа на вопрос: на чьей же стороне в те дни был антигермански настроенный Кропоткин?

Но восстание подавят, а вопрос о продовольствии останется одним из важных в анархистской критике большевиков. Анархисты почувствуют истинный аромат социализма – запах хлеба, без которого немыслима «воля» – самая широкая свобода. Что ж... Голод не тетка, но хороший стимул для объединения людей. И все по Кропоткину: «Хлеб и Воля!» На страницах ли своих газет и журналов, в выступлениях ли на митингах... Последователи Кропоткина будут призывать профсоюзы и фабрично-заводские комитеты вступить в прямые отношения с крестьянами и через кооперативы организовать продуктообмен. Только так, налаживая прямые связи, можно спасти страну от голода. Кропоткин продолжает писать о возможных вариантах социальных преобразований в России. И теперь он обращает внимание на кооперацию. В данном случае – на сибирских кооператоров.

К земству, которое «все еще продолжает быть у нас частью государства», Кропоткин испытывает определенное недоверие. Вот почему он предлагает кооператорам взять в свои руки функции местного самоуправления. Прежде всего, задача кооператоров – объединить в составе своих организаций крестьянство. Кооперативы мобилизуют средства своих членов и на эти деньги создадут средние школы и профессиональные технические училища. В результате произойдет «увеличение производительных сил страны»[1773].

Деятельность кооперативов, добровольно объединяющих всех, кто желал бы перестроить общество на справедливых началах, приведет к реорганизации страны на основе

самоуправления снизу вверх. Рано или поздно это приведет к Анархии, но, понимая, что пока еще массы не настроены анархически, Кропоткин говорит о Российской Федерации Соединенных Штатов[1774].

Как ни странно это звучит, но некоторые из его последователей тогда допускали существование безвластного общества даже под таким названием. Так, в 1918 году Атабекян, старый друг Кропоткина, предлагал перестроить политическую систему Российской Советской Федеративной Республики. Он рассчитывал, что организации народа, основанные на самоуправлении (Советы, союзы кооперативных предприятий и учреждений, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, домовые комитеты), и их объединения возьмут на себя функции экономического регулирования и государственного управления. Атабекян открыто использовал термин «анархическая республика»[1775].

Похожие идеи предлагал Филипп Маркович Неусыпов, уральский казак, сотрудник Казачьего отдела ВЦИК и по совместительству издатель анархистского журнала «Революционное творчество». В конце 1917 года он выдвинул план образования на месте Российской империи Всероссийского Политического Союза Федеративных Республик, состоящих «из групп автономных штатов»[1776]. Этот процесс он попытался продемонстрировать на примере Уральского казачьего войска. Учитывая экономический уклад, исторические традиции и современный быт казачества, Неусыпов считал, что вскоре казаки «принципы федерации сделают основой своей социальной жизни»[1777].

Казачью автономию Неусыпов предлагал строить как федеративный союз автономных станиц. Войсковой съезд должен был выполнять «законосовещательную» роль и контролировать исполнительную власть. Предполагалась реорганизация экономики на основе кооперативного сектора. Различные области жизни общества должны были регулировать отраслевые съезды, состоящие из делегатов станиц. Их решения считались бы действительными после утверждения станичными сходами (общими собраниями жителей), причем в состав казаков предлагалось принять «иногородних» (издавна живших там переселенцев). Исполнительная власть должна была перейти к избираемым съездами и работавшим под их контролем советам или комитетам, объединенным в «Войсковой круг»[1778].

Реорганизацию экономической жизни России Неусыпов предлагал провести на основе уже имеющейся сети кооперативов. В условиях развала экономических связей, краха единой денежной системы, полагал он, гораздо проще будет перейти непосредственно к безденежному обмену между кооперативными организациями[1779]. Как видим, «белой вороной» среди анархистов Кропоткин не был. Ведь идеи, близкие ему в то время, выдвигали и другие сторонники Коммунизма и Анархии, не говоря уже об эсерах-максималистах, которые занимали промежуточную позицию между анархистами и социалистами-революционерами. Они представили в комиссию, которая занималась разработкой конституции РСФСР, проект «Трудовой республики», понимаемой как «децентрализованное общежитие с широкой автономией отдельных областей и национальностей, ее составляющих», ведением «общественно-планового хозяйства общественными средствами производства и обращения» и ликвидацией «торговли и денег»[1780].

В июле 1918 года Кропоткины переехали из Москвы в подмосковный город Дмитров, где было легче прокормить семью. Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862–1937) продал им деревянный дом на бывшей Дворянской улице (с 1924 года Кропоткинская улица, дом 95). По некоторым сведениям, они время от времени наезжали туда еще в начале года. Небольшой, одноэтажный с четырьмя комнатами, он был построен братом графа, земским деятелем и предводителем дворянства Михаилом Адамовичем Олсуфьевым (1860–1918) около 1898 года в стиле русского деревянного модерна. В доме был установлен московский телефон. Кропоткины не стали менять желтовато-коричневый интерьер комнат, перекрашивать оконные рамы цвета красного дерева, темно-коричневые двери и гостиную, менять коричневатые обои, гармонировавшие с терракотовыми плитками камина.

Петр Алексеевич перевез в Дмитров книжные полки, вмещавшие полторы тысячи книг его библиотеки. Жизнь Кропоткиных проходила в основном в двух северных, теплых комнатах – спальне и небольшом кабинете, где Петр Алексеевич работал за ломберным столом и спал на кровати. По воспоминаниям скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859–1939), кабинет был очень тесно заставлен мебелью. По своему обыкновению Кропоткин немедленно завалил комнату книгами. «Они лежали и на подоконнике, и на столах, и даже на стульях». Скульптор Гинцбург, один из его близких знакомых, полагал, что Кропоткины старались скопировать обстановку своего дома в Бромли[1781]. Бывавший в гостях у Петра Алексеевича анархист Герман Сандомирский называл эту комнату «предательской», ибо в ней ветер дул в многочисленные щели[1782]. В гостиной и столовой также было холодно, несмотря на камин и изразцовую печь.

На приусадебном участке при доме с разрешения местных властей был разбит огород; Петр Алексеевич и Софья Григорьевна держали корову. В обмен на молоко Кропоткины могли раздобыть немного мяса и яиц. Весной 1920 года кооператор Рыжов подарил Кропоткиным курицу и петуха[1783]. Кроме того, их снабжали дровами и сеном. Все это помогало старикам выжить в голодных условиях Гражданской войны. Дом Кропоткиных в Дмитрове сохранился до сих пор, хотя и в измененном виде. В 2014 году в здании был открыт мемориальный дом-музей П. А. Кропоткина.

Жизнь в Подмоскowie в революционные годы была тяжелой, особенно когда наступали холода. Как вспоминала навещавшая Кропоткина Эмма Гольдман, «он живет вместе с женой Софьей и дочерью Александрой в одной еле-еле протопленной комнате – в остальных жить просто невозможно, потому что там настоящий мороз. Пайков хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду, да и те перестали выдавать: они распределялись через Дмитровский рабкооп, который, как и многие подобные кооперативы, недавно ликвидировали, арестовав и отправив в Бутырку почти всех его членов». Кропоткин старался не принимать ничего от властей. Он отклонил предложение Госиздата продать за двести пятьдесят тысяч рублей право на публикацию его сочинений. «Он в жизни не вступал по доброй воле ни в какие взаимоотношения с властью и сейчас не хотел иметь дела с теми, кто именем социализма попрали все революционные и моральные ценности», – вспоминала Гольдман. Софья Григорьевна долго-долго уговаривала мужа принять академический паек, выделенный

распоряжением народного комиссара просвещения Луначарского. «И только стремительно прогрессирующая слабость Кропоткина заставила ее принять продукты без его ведома... К тому же, будучи ученым-ботаником, она имела право на такой же паек»[1784]. Кропоткин отверг предложения Ленина издать его произведения в государственном издательстве, считая недопустимым монополизацию издательского дела в руках государства и подчинение его политике и идеологии власти[1785].

Несмотря ни на что, Петру Алексеевичу в Дмитрове нравилось. «Город – маленький, пройдешь полверсты в ту или другую сторону, и уже открываются виды на холмы, покрытые снегом и лесами, и на далекие села и их церкви. Виды бывают восхитительные, и мы гуляем, когда ветра нет, часа полтора», – писал он в январе 1919 года Надежде Лебуржуа[1786]. Кропоткин продолжал работать – конечно, не двадцать четыре часа в сутки, как когда-то в молодости, но по два с половиной часа утром и после обеда[1787].

Хорошо было и в теплое время года: «В лесу дивно хорошо, особенно теперь, когда солнце стоит пониже и наискось, а не сверху, освещает лес. Грибов уже нет, но золотистые цветы, ярко-голубое небо, подстилка из сухих листьев и далекие красивые виды, открывающиеся там и сям – одна красота! А воздух – такой бодрящий!..»[1788]

* * *

Заседание «болотной комиссии» было в самом разгаре...

Нет, вы не подумайте... Болотная комиссия – это совсем не гротеск, не сказочное учреждение, как НИИЧАВО из повести Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Болотная комиссия, уважаемый читатель, была вполне достойным учреждением при краеведческом музее Дмитрова, основанном местными кооператорами. И заседали в ней совсем не сказочный лесовичок с бородой, не Ленин-гриб Курехина, а сам Петр Алексеевич Кропоткин да местные краеведы и естествоиспытатели. На заседаниях этой комиссии Кропоткин прочитал доклад о ледниковом периоде. А интересовала эта тема наших «болотников» совсем не случайно. В одном из болот на севере Дмитровского уезда были найдены клыки мамонта, и Кропоткин объяснял членам комиссии, что именно там-то и следует искать залежи костей, ибо в непроходимых болотах древние животные скорее всего и тонули. Так что «болотная комиссия» – это дело серьезное, и интерес к ней Кропоткина был не шуточным...

Так вот, Петр Алексеевич помогал кооператорам создать краеведческий музей, рассказывая его организатору Анне Дмитриевне Шаховской (1889–1959) о том, как работают музеи в Англии и каким образом лучше всего обустроить отдел геологии. Успел он побывать и председателем совещаний музейных работников Дмитровского уезда. Дважды Кропоткин выступил на районном съезде учителей, высказывая свои соображения о том, как перестроить народное образование и использовать краеведческий музей в учебной работе[1789].

Появление знаменитости такого масштаба в маленьком провинциальном городке само по себе было незаурядным событием. Особенно это обрадовало местных общественных деятелей: кооператоров, краеведов, учителей, – они быстро входят в круг его общения...

Он встречался с детьми из соседних деревень, которые учились в Дмитрове, помогал организовать детское культурно-просветительное общество. И конечно же, живо интересовался работой местного кооперативного движения, с которым связывал представление о прогрессивном развитии России. Кооперативы были для него одной из форм народной низовой самоорганизации, которая могла бы обеспечить существование общества без государства. В декабре 1918 года Кропоткин выступает на собрании уполномоченных Дмитровского кооперативного союза, призывает кооператоров к «приложению своих знаний в целях налаживания жизни на свободных началах»[1790].

Здесь, в дмитровской тишине, Петр Алексеевич продолжает научные и теоретические изыскания. Он составил проспект книги об озерном и ледниковом периоде, участвует в подготовке переиздания своих работ.

* * *

Но и здесь Кропоткин не оставался равнодушен к политической жизни...

На что надеялся старый анархист в эти бурные годы? Об этом он сам высказался в написанном в июне 1919 года предисловии к переизданию своей книги об анархо-коммунизме – «Хлеба и Воли». «У нас, в России, вот уже второй год происходит попытка в великих размерах перестроить всю хозяйственную жизнь полуторастамиллионного народа на коммунистических началах», – писал Кропоткин. И тут же предостерегал: такое начинание может иметь успех только в том случае, если его будет проводить не власть, а сам народ: «...крупные ошибки, сделанные в этой попытке, вследствие государственного, централизованного характера, приданного перестройке, – сами эти ошибки показывают, как необходимо было давно заняться изучением условий, при которых возможен был бы действительный, живучий переход от капиталистического производства к общественному». Тогда он «мог бы совершиться без той разрухи, страданий, болезней, безумной траты сил, развития худших инстинктов наживы и т. д., которые мы переживаем теперь»[1791].

Более чем когда-либо Кропоткин обращает внимание на то, что революция – это не столько разрушение, сколько, прежде всего, создание новых отношений между людьми, на основе солидарности и взаимопомощи, новых форм жизни и хозяйства, которые и позволят обходиться без государства. Речь шла по-прежнему о кооперативах и рабочих союзах. В новом издании «Хлеба и Воли» он снабдил слова П.-Ж. Прудона «разрушая, мы будем создавать» таким примечанием: «Теперь, когда мы видим из опыта, как трудно бывает "создавать", заранее не обдумавши весьма тщательно на основании изучения общественной жизни, что и как мы хотим создать, – приходится отказаться от изречения предполагаемого творца и хозяина природы, и сказать – «создавая, разрушу»»[1792]. Неудивительно, что в эти последние годы жизни Петр Алексеевич работает над вторым томом книги «Этика»...

Большой труд, задуманный Кропоткиным, должен был состоять из двух томов. В первом он собирался представить историю происхождения и развития этических идей человечества, а второй посвящался позитивному изложению этики, как он ее понимал. Представление о том, что чувства «добра» были внушены человеку богом-творцом, анархист отвергал. И не только потому, что он был атеистом. Сама мысль о том, что люди выполняют чью-то волю «извне» или действуют из страха перед божьей либо государственной карой, была ему глубоко ненавистна. Корни нравственных ощущений человека Петр Алексеевич искал в природе – в инстинктах социальности и взаимопомощи. Но *Homo sapiens*, конечно, не ограничивается инстинктом – он делает шаг вперед и действует разумно, следуя потребности строить свои отношения с другими людьми на основе гармонии и солидарности. Эволюцию человечества Кропоткин рассматривает как развитие и распространение этических «идей-сил» – от представлений первобытных народов, Древней Греции, христианства и Средних веков до Возрождения и философии XVII, XVIII и XIX веков. Человеческая этика, говорит он, покоится не на страхе перед санкциями и поощрениями, но на началах солидарности, равенства и наконец – высшего уровня нравственности: альтруизма и самопожертвования. В распространении этих начал Петр Алексеевич видел залог будущего свободного общества.

Эту часть своего труда Кропоткину удалось более или менее завершить, и она была опубликована в 1922 году как первый том «Этики». Со вторым томом получилось хуже: закончить его Кропоткин не успел, хотя его подстегивало и желание придать этике «научную» основу (кто знает, возможно ли такое вообще?), и, пожалуй, в не меньшей степени, учитывая жестокие реалии грохотавшей вокруг Гражданской войны, стремление сформулировать позитивную этическую программу для корчащегося в муках человечества. Фрагменты второй книги дают нам представление о замысле старого анархиста. Прежде всего, он подытоживает тот обзор развития этики, который давался в первом томе, и четко формулирует основные выводы относительно происхождения и основ этического чувства. Более того, Кропоткин пытается проследить тенденцию к нарастанию элементов гармонии, взаимопомощи и солидарности в поведении не только людей, но и различных видов животных. Однако, добавляет он, в выработке нравственных понятий участвует не только чувство, но и разум. Разум вселяет человечеству понятие о равноправии, о равенстве всех его членов, доказывая на примерах реальной жизни, в конечном счете, пагубность себялюбивого эгоизма и попыток «перетягивать одеяло на себя» за счет всех остальных. Да, говорит Петр Алексеевич, люди наделены нравственностью в различной степени. Да, в истории человечества случаются «периоды аморальности». Как раз такой период он и мог наблюдать, став очевидцем кровавой бойни Первой мировой и российской Гражданской войн. Но именно в такие времена необходимо «обратиться к какому-то общему принципу»[1793]. И делать это бескомпромиссно. Ведь считая компромисс правилом, человек «никогда не сможет бороться за идеал; идя от компромисса к компромиссу, он, несомненно, будет опускаться все ниже и ниже. Именно это происходит сейчас с нравственными идеалами», – пишет Кропоткин. Но человечество, надеется он, «смутно чувствует, что необходимо определенное нравственное усилие, чтобы цивилизация сделала следующий шаг, что требуется нечто более сильное: обращение к мужеству, не обращение к благоразумию»[1794].

Изложения «этики свободного человека» Петр Алексеевич дать в книге так и не успел. Нет сомнений в том, что он повторил и обосновал бы подробно свои взгляды о

«коммунистическом индивидуализме», о которых мы уже говорили. Но, как бы то ни было, в условиях вихря, что бушевал вокруг него, Кропоткин все яснее и яснее сознавал: проблема революции в том, что люди переживают этический кризис и потому оказались неподготовлены к гармоничному и самоуправляемому строительству нового мира свободы, равенства и справедливости. Но не призывы к личному моральному самосовершенствованию водили пером «добротного дедушки» с седой бородой библейского пророка! Нет! Он звал к коллективной конструктивной практической работе. Только так можно осуществить гуманистический идеал и внедрить в жизнь подлинные этические ценности. Именно на этой почве, как мечталось ему, и должна будет взойти новая, освободительная революция...

И каким же резким контрастом по сравнению с реалиями большевистской диктатуры выступали мечты и надежды старого анархиста! Для него, убежденного в том, что анархизм – это этический социализм, что цель и путь к ней не должны противоречить друг другу, не могли быть приемлемы не только огосударствление общественной жизни и экономики режимом «военного коммунизма», этой крайней формы ненавистного государственного капитализма. Централизаторы-большевики были, в глазах Кропоткина, якобинцами российской революции. И, как якобинцы во Франции, они вели революцию к перерождению и гибели. Примеры этому он мог наблюдать повсюду: в новой иерархии чиновников, в неравном распределении, в произволе и коррумпированности ЧК, в арестах, жестокостях продрозверстки и карательных походах против крестьянства, в подавлении общественной жизни, свободы слова, печати, собраний, в разгроме самостоятельных организаций – непокорных Советов, профсоюзов, кооперативов... Петр Алексеевич мог вытерпеть и голод, и лишения, даже несмотря на возраст и болезни. Но аморализм большевистских бонз во главе с новым Робеспьером-Лениным, любимым выражением которых, как свидетельствовала Эмма Гольдман, было «буржуазная сентиментальность», не мог не ужасать Кропоткина. Как и других анархистов – из тех, кто не был ослеплен, кто мог и желал видеть правду.

* * *

Несмотря на трудности жизни в России, Петр Алексеевич отклонил предложения шведских анархистов-младосоциалистов об эмиграции в Скандинавию и опровергал появлявшиеся слухи о своем аресте. Кропоткин продолжал защищать российскую революцию и в открытом письме Георгу Брандесу, опубликованном в сентябре 1918 года в датской газете Politiken, резко осудил иностранную военную интервенцию, которая, как он опасался, привела бы только к установлению монархии и националистической диктатуры. Но централизаторская политика и террор большевистских властей чем дальше, тем больше беспокоили его.

Одним из направлений общественно-политической деятельности Кропоткина становится противодействие репрессиям большевиков. Неслучайно он стал одним из членов-учредителей и почетным членом Московского Политического Красного Креста (МПКК) в 1918 году. В то же время Петр Алексеевич был избран членом Ревизионной комиссии, а с 1920 года – членом Совета этой организации[1795]. Он ходатайствовал перед большевистскими чиновниками, обращался к общественным деятелям. Далекое не только анархисты получали в это время его помощь. Протестовал он и против нарушения свободы слова и арестов

людей, открыто выражавших свою политическую позицию. Так, 24 июля 1919 года Кропоткин писал Черткову с просьбой ходатайствовать о помиловании священника Василия Васильевича Боголепова, которому угрожал суд ревтрибунала за выступление на сельском сходе в селе Мышенское Серпуховского уезда. Вина Боголепова заключалась в том, что он потребовал вернуть его приходу отобранную землю и затем, в разговорах с крестьянами, критиковал советскую власть[1796].

Среди тех, за кого он лично ходатайствовал, – анархисты Лев Черный (1878–1921) и Атабекян, а также лица, арестованные по делу антибольшевистского Тактического центра. Репрессии не обошли стороной и его собственную семью: в 1919 году ЧК в Ямбурге арестовала дочь Александру при легальном пересечении границы с Эстонией. Петр Алексеевич попросил управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (1873–1955) помочь в освобождении Саши. Тот доложил об инциденте Ленину, и большевистский премьер-министр потребовал представить поручительства. В конце концов Александру выпустили из тюрьмы.

Он неоднократно пытался убеждать новых лидеров страны отказаться от того, что считал пагубным курсом. Еще в сентябре 1918 года Петр Алексеевич искал возможности встретиться с Лениным, чтобы открыто высказаться о жестокости и бессмысленности «красного террора». Тогда, под впечатлением развернувшегося «красного террора» и, в частности, получив письмо от жены арестованного бывшего министра Временного правительства инженера Пальчинского, своего старого друга, которому теперь угрожала казнь, Петр Алексеевич написал письмо председателю Совнаркома Ленину, прося его о встрече[1797]. Ссылаясь на опыт Великой Французской революции, он предостерегал от разрушительных последствий «красного террора» и всевластия ЧК: «В русском народе, – писал он, – большой запас творческих, построительных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на него террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции... Открыть эру „красного террора“ – значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ею пути»[1798]. Эти контакты имели важные последствия. «Письмами к Ленину и встречами с ним Кропоткину порой удавалось спасти жизни осужденных. Есть свидетельства современников о том, что разрешение местным отделам ЧК производить расстрелы без суда и следствия (ноябрь 1918 года) было отменено Лениным под влиянием Кропоткина»[1799], – писала Н. М. Пирумова. Кроме того, по личной просьбе председателя СНК Пальчинскому был облегчен режим содержания под стражей, к нему стали гораздо чаще допускать посетителей и даже коллег по работе, приходивших по деловым вопросам[1800].

В 1918 году при встрече Кропоткина с управляющим делами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевичем Петр Алексеевич высказался о ситуации в своем прежнем анархистском духе: «Октябрьское движение пролетариата, закончившееся революцией, доказало всем, что социальная революция возможна. И это мировое завоевание надо изо всех сил беречь, поступаясь во многом другом»[1801]. Такую же позицию выражало большинство анархистов

в то время. Протестуя против диктатуры большевиков, они поддерживали Октябрь 1917-го, выступая за переход всей власти к Советам на местах, предприятий – в руки рабочих, земли – крестьянам. А дальше Петр Алексеевич высказал то же, что раньше говорил о Великой Французской и Первой Российской революции. Слово в слово: «Если она и не добьется всего, что хотела бы, то она осветит путь цивилизованным странам по крайней мере на столетие. Ее идеи будут постепенно восприниматься народами так же, как воспринимались миром идеи Великой Французской революции в XIX в. И в этом колоссальная заслуга Октябрьской революции»[1802].

Далее Бонч-Бруевич приводит его высказывания о работе Ленина «Государство и революция», по сути, повторяющие оценки российских анархистов: «Мне сказали, что Владимир Ильич написал прекрасную книгу о государстве, которую я еще не видел и не читал и в которой он ставит прогноз, что государство и государственная власть в конце концов отомрут. <...> Я рассматриваю Октябрьскую революцию как попытку довести до своего логического завершения предыдущую Февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму»[1803]. Такую же трактовку революционных событий, в рамках «теории третьей революции», давали и другие анархисты, видевшие в этой книге Ленина знак того, что большевики могли бы воспринять идеи анархического коммунизма.

В апреле 1919 года Бонч-Бруевич по поручению Ленина пригласил Кропоткина в Москву для встречи. Беседа старого анархиста и большевистского премьер-министра состоялась 3 мая, на кремлевской квартире Владимира Бонч-Бруевича. Во время этой встречи Петр Алексеевич вел себя довольно дипломатично, хотя и критиковал Ленина за огосударствление кооперации и преследование ее деятелей, в том числе и дмитровских кооператоров. Ветеран-революционер попытался доказать лидеру большевистского правительства, что ради торжества революции следует отказаться от террора и ликвидации политических свобод. Он призывал дать свободу и простор для развития новых, безвластных отношений, которые повсюду распространяются в ходе революции, поощрять кооперативное движение, обеспечить развитие свободных профсоюзов.

«Мы с вами стоим на разных точках зрения. <...> Но вот вы говорите, что без власти нельзя, – стал вновь теоретизировать Петр Алексеевич, – а я говорю, что можно... Вы посмотрите, как разгорается безвластное начало. Вот в Англии, – я только что получил сведения, в одном из портов докеры организовали прекрасный, совершенно вольный кооператив, в который идут и идут рабочие мелких других производств. <...> Но профессиональное движение объединяет миллионы – это сам по себе огромный фактор, – взволнованно говорил Петр Алексеевич. – Вместе с кооперативным движением – это огромный шаг вперед»[1804]. Кропоткин пообещал также сообщать Ленину «о неправильностях, которые происходят и от которых во многих местах стоит стон»[1805]. Это обещание давало ему возможность и впредь апеллировать к председателю Совнаркома, ходатайствовать об освобождении репрессированных анархистов, кооператоров, других общественных деятелей.

Во время этой встречи Петр Алексеевич отказался от предложения Ленина выпустить свою книгу о Великой Французской революции за государственный счет и в государственном издательстве. Из переписки Кропоткина становятся понятны мотивы такого решения. «Когда я и мои товарищи сидели впоследствии по тюрьмам во Франции, наши книги все

время находили издателей. В России же Советская Республика стремится, по-видимому, уничтожить даже такую возможность. Если бы я принял вышеупомянутое предложение, – это означало бы мое нравственное одобрение того, что целая страна низводится на степень рабского безмолвия, которое я считаю пагубным не только для развития вообще мысли и жизни, но и самой русской революции. <...> Мой долг – сказать это представителям Советской республики, а не помогать им в порабощении мысли, с ее неизбежными роковыми последствиями, уже намечающимися»[1806], – так объяснил он свое решение сотруднику Народного комиссариата внешней торговли Семену Львовичу Мильнеру, который сочувствовал анархистам и в 1918 году вел переговоры с Кропоткиным по поручению Бонч-Бруевича. Впрочем, В. Д. Бонч-Бруевич в одном из вариантов своих воспоминаний отмечал, что Ленин предполагал издать сочинения Кропоткина с такими примечаниями, «чтобы читатель ярко понял разницу между мелкобуржуазным анархистом и истинно коммунистическим мировоззрением революционного марксизма»[1807]. Вряд ли подобные условия были приемлемы для Кропоткина.

В беседе с Лениным дипломатично, но очень скептически Кропоткин высказался о принципиальности большевистских чиновников, на которую упирал Ленин, обещая старому революционеру построить социалистическое государство без злоупотреблений властью: «Если вы и ваши товарищи... не опьяняются властью и чувствуют себя застрахованными от порабощения государственностью, то они сделают много. Революция тогда действительно находится в надежных руках»[1808]. ЕСЛИ... Это слово держит всю конструкцию фразы – как сослагательное наклонение. Может быть, но может и не быть. Мол, чего с вами спорить-то? Все равно не переубедишь. Ну так жизнь покажет...

Призывы Кропоткина не нашли понимания у вождя большевиков, который заявил своему собеседнику, что применение властью насильственных методов оправдано в условиях Гражданской войны и «в белых перчатках не сделаешь революцию». «Вот, живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении», – сказал Бонч-Бруевичу председатель Совнаркома, распрощавшись с Кропоткиным[1809].

В марте и декабре 1920 года Кропоткин вновь обратился с письмами к Ленину. В последнем случае причиной стал арест руководителей Дмитровского союза кооперативов в ноябре 1920 года[1810].

В мае 1919 года Петр Алексеевич встретился в Москве с представителями созданной незадолго до этого Всероссийской федерации анархической молодежи (ВФАМ). Он заявил им, что «средства, избранные Советской властью для осуществления своих хороших целей, были и есть самые скверные» и «путь большевиков приведет нас к ужасной реакции». Кропоткин призвал «снизу творить революцию и строительство новой жизни, а не сверху»[1811].

В июле участники съезда молодых анархистов в Москве были арестованы и направили Петру Алексеевичу из тюрьмы ВЧК на Лубянке письмо с просьбой о помощи. Репрессии нарастали. В марте 1920 года, ходатайствуя в пользу почтово-телеграфных работников, голодавших в знак протеста против репрессий, Кропоткин написал Ленину жесткие строки: «Если бы даже

диктатура партии была бы подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем сильно сомневаюсь), то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна». Необходимо возвращение к нормальной жизни и свободное развитие инициативы самих рабочих и крестьян. «Но Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей „партии“, т. е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные – больше в центрах), уже уничтожили влияние и строительную силу этого многообещавшего учреждения – Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновного строительства». Такая система управления, подменяющая избираемые органы самоуправления фактически назначаемыми ставленниками правящей партии, дискредитирует любые лозунги, которыми ее прикрывают. «Если же теперешнее положение продлится, то само слово „социализм“ обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев»[1812].

Так оно и произошло... Что такое социализм и коммунизм? На этот вопрос часто слышится ответ: тоталитарный режим, концлагеря и диктатура, власть бюрократии, превращение в государственные учреждения всего, что только возможно. И попробуй докажи иному, что это не так или не должно быть так! Еще великий анархист опасался, что принудительное насаждение большевиками коллективистской психологии настолько дискредитирует любые идеи о коллективе, солидарности, взаимопомощи, что на смену ему придет самый бешеный и необузданный эгоизм. Десятилетия спустя жители современной России могут лишь изумляться беспощадной точности его пророчества.

Петр Алексеевич безоговорочно осуждал вооруженное вмешательство государств Антанты в российские дела и их «завоевательные вождедения» – как писал он сам. «Конечно, не из "патриотизма", а потому что предвижу, как такое вмешательство неизбежно приведет к возбуждению национализма и в данном случае создаст в России враждебность к народам, с которыми мы должны были бы быть в дружбе», – писал он. Да, рабочие Западной Европы могли бы заставить «свои» правительства отступить. Для этого они должны выйти на массовые демонстрации протеста, бастовать, саботировать отправку военных грузов. Но, полагал Кропоткин, этому препятствует враждебное отношение к большевизму и российским большевикам, которых многие европейские социалисты и профсоюзные деятели считали союзниками Германии. «На Западе знают, что члены теперешнего правительства вернулись в Россию на особом положении через Германию; что они вели дезорганизационную пропаганду в русской армии в ту пору, когда немецкие армии... разоряли Бельгию и Францию и Франция истекала кровью, чтобы отогнать их от Парижа (убитыми и искалеченными Франция потеряла более трети своего взрослого мужского населения, и не она завоевывала Германию)»[1813], – писал Кропоткин Мильнеру.

Такие же аргументы он высказывал и в письме Сандомирскому 24 мая 1919 года. Франция не может оставить Эльзас и Лотарингию в руках Германии. Население этих провинций не желает жить под властью Германской империи. Из крепости Мец на ее территорию может в любой момент вторгнуться германская армия. Свободное голосование среди жителей Эльзаса и Лотарингии невозможно – в эти края берлинское правительство переселило немцев из других регионов. А сколько французов погибло на войне? И вообще, главное – не допустить, чтобы Германия снова угрожала войной. А там и угроза войны как таковая

отомрет[1814]. Почему? «Это не повторилось бы, по крайней мере, в течение полувека, а там пойдет новое – социализм, анархия...»[1815]

Как видим, Петр Алексеевич по-прежнему отказывался признавать очевидный факт: к концу мировой бойни большинство населения не только Германии, но и государств Антанты устало от войны настолько, что антивоенная пропаганда большевиков не вызвала отторжения в народах: напротив, революция казалась многим наилучшим средством навсегда покончить с войной.

Поражение Германии Кропоткин рассматривал как «великое мировое событие», которое «кладет конец навсегда монархической Европе и завоевательным войнам в Европе»[1816]. Теперь он жаждал такого же поражения Турции, надеясь, что оно «положит теперь конец ее армянским, болгарским, сирийским и т. д. зверствам»[1817]. «Что даст Азия, с нарождающеюся новою Германией, в Японии и, м[ожет] б[ыть], новым могучим мусульманским государством в Средней Азии (с центром в Кашгарии) – об этом еще рано гадать»[1818], – писал он Екатерине Половцовой в декабре 1918-го. Хоть и пожал плечами, но снова пожал ими правильно. Страна восходящего солнца вскоре доказала это. Правда, с завоевательными войнами в Европе, как мы знаем, все-таки получилось иначе. Это был еще отнюдь не конец...

* * *

Из письма Сандомирскому следует, что Петр Алексеевич не изменил своего отрицательного отношения к большевикам как некогда «пронемецкой» (в его глазах) партии. Но его отношение к Советской России было более сложным. С одной стороны, ее «цель, ее стремление совершить социальный переворот – общая цель всей нашей социалистической и анархической работы за последние 40–50 лет, – писал он. – Кроме того, я думаю, что как мало русской революции ни удалось бы совершить живучего в этом направлении, – она тем не менее набросает программу изменений в социалистическом направлении, которые так или иначе будут происходить в разных странах, в течение следующих 100–120 лет, – подобно тому как выполнялись в течение 19-го века введение политического равноправия и уничтожение крепостного права, провозглашенные Французскою Революциею». Но, с другой стороны, не уставал подчеркивать Кропоткин, «метод, которым большевики думают совершить переворот, из центра, якобинскою властью и террором, я считаю безусловно ложным, не достигающим своей цели; и я убежден, что он неизбежно ведет не только к неудаче, а и к суровой реакции, которая может продлиться не только у нас, но и вообще в Европе десятки лет»[1819]. И сообщения о «красном терроре» в России тоже не могут пробуждать симпатии к революционной России в трудящихся массах Запада, подчеркивал он.

Те же мысли Кропоткин высказал в письме к Брандесу, рассчитывая довести таким образом свою позицию до общественности Запада. Захватившая Петра Алексеевича к старости и нелогичная, с точки зрения анархизма, апология «оборонительных войн», приветствие несправедливого Версальского мира с его огромными выплатами странам-победителям не помешали ему сохранить ясность ума и точность анализа, когда речь заходила об оценке

революции в России.

Исходя из своей теории революций, он одним из первых сравнил большевистский режим с якобинской диктатурой во Франции XVIII века. «Мы сейчас переживаем то же, что переживала Франция во время якобинской революции с сентября 1792 г. по июль 1794 г., с той разницей, что теперь ищет себе путей революция социальная», – пишет Кропоткин. Но диктатура якобинцев не имела перспектив и неизбежно привела к диктатуре новых богачей (термидор), а затем – к диктатуре Наполеона Бонапарта, вскоре установившего монархическое правление собственной династии. Новые правители отменили все преобразования, проводившиеся в пользу бедноты. Ведь якобинцы добились «уничтожения феодальных прав», «провозгласили политическое равенство всех граждан». Нечто подобное тогда происходило и в России: «Большевики стремятся посредством диктатуры одной фракции социал-демократической партии ввести социализацию земли, промышленности и торговли. Перемена, которую они стремятся осуществить, является основным принципом социализма»... Но методы, которыми они пытаются проводить социалистическую политику («с помощью декретов» революционного правительства), «парализует строительную работу народа, делает успех их дела совершенно невозможным»... Однако противники революции в лице «белого движения» хорошо организованы, и они могут «восстановить старый режим, воспользовавшись всеобщим истощением, которое возникло сперва из-за войны, а затем из-за голода в центральной России, и полной дезорганизацией обмена и производства»... И эти люди далеки не только от социалистических, но и от либеральных и республиканских идеалов. Они преследуют иные цели и ведут «к монархии, реакции и рекам крови!».

Петр Алексеевич стремился донести до рабочих, профсоюзных активистов, социалистов и анархистов Европы свое осуждение иностранной интервенции. «Такое вмешательство, – снова повторяет он, – имело бы своим последствием взрыв русского шовинизма; оно привело бы нас опять к шовинистической монархии и вызвало бы среди русских... враждебное отношение к Западной Европе, чреватое печальными последствиями». Вместо вмешательства в российские дела он призывал Запад помочь России продовольствием и всем необходимым для восстановления, прекратив беспощадную блокаду[1820]. Такая помощь помогла бы преодолеть ненависть россиян к европейцам.

* * *

Живя в Дмитрове, Петр Алексеевич был в значительной мере изолирован от внешнего мира. Транспорт ходил плохо. Самому ему было тяжело выезжать из-за здоровья. Так, на обратном пути из Москвы, где он побывал в конце весны 1919 года, Кропоткин простудился и неделями страдал от кашля и общего недомогания, мешавшего ему нормально работать. В конце января 1920 года его снова мучили бронхит и повышенная температура; пришлось несколько дней провести в постели. Состояние не позволило ему принять приглашение комиссии физико-математического факультета Московского университета возглавить кафедру географии[1821]. «Жить мне осталось очень немного, сердце обрабатывает число биений, на которое оно было способно, – с грустью писал Кропоткин Атабекиану 2 мая 1920 года. – Вот, сегодня, чуть не случился обморок, – без всякой особой причины: – „сердце

пошаливает“»[1822].

В декабре он отказывается от приглашения приехать в Москву для прочтения лекций: «Здоровье мое за последнее время так ненадежно, что и думать не могу о поездке. Сердце беспрестанно мучает, и притом, должно быть, еще малярия через день. В придачу случились еще невралгии – жестокие, каких не помню с Женевы, больше сорока лет тому назад. С сердцем, малейшее физическое усилие – мучительно. Ну, а лекцию – подавно не прочесть! Недавно я говорил на юбилее Дмитровского Союза Кооперативов. Еле договорил минут 20, с отчаянной болью в сердце. Вообще плох стал, а поездка в Москву и жизнь там сопряжены с такими трудностями, что и думать нечего...»[1823]

Из-за тяжелого состояния здоровья ему приходилось отменять встречи, выступления, лекции. «Так хотелось бы провести два-три дня со всеми вами и сообща вспомнить того, кто учил людей любви, братству, кто будил в людях совесть и звал их могучим голосом к построению нового общества на братских и безначальных основах»[1824], – писал он организаторам вечера, посвященного десятилетию со дня кончины Льва Толстого.

Время от времени до Петра Алексеевича удавалось добираться друзьям. В марте 1920 года повидаться с ним в Дмитров приехали британский газетный издатель Джордж Лэнсбери (1859–1940) и один из его репортеров. Их сопровождали высланные в Россию американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман, а также Александр Шапиро, который продолжал поддерживать с Кропоткиным регулярные контакты.

Чтобы не волновать старика, который выглядел больным и усталым, но все равно как будто светился, Гольдман и Беркман решили не напоминать ему о разногласиях в оценках Первой мировой войны. Они говорили в первую очередь о положении в России, и Кропоткин, старавшийся выражаться с осторожностью, сказал собеседникам знаменательные слова: большевики продемонстрировали, «как не следует делать революцию»[1825].

Затем Эмма попросила Софью Григорьевну и Беркмана занять английских гостей и поговорила с Кропоткиным наедине, по-русски. В ходе этого разговора тот с большей откровенностью высказал свое мнение о российской революции. По его словам, она открыла дорогу для глубоких социальных преобразований, но натолкнулась на препятствия в виде большевистской диктатуры. Большевики, говорил он, пришли к власти на волне революции, перехватив лозунги, которые выдвигали сами рабочие и крестьяне. Завоевав их доверие, затем они подчинили революцию интересам своей партийной диктатуры и парализовали всякую общественную инициативу снизу. «Он ответил, что так бывает всегда, когда дело касается марксизма. Предвидя опасности этого учения, он предупреждал о них практически в каждой своей работе»[1826], – вспоминала Гольдман.

Большевики – насквозь порождение этого учения. «Они политиканы и, как таковые, заинтересованы только в закреплении своего политического государства»[1827], – отмечал Кропоткин. По словам Гольдман, корни преступлений большевиков он видел в «иезуитском духе» марксистских догматов: «...большевики отравлены им насквозь, их диктатура уже превзошла всемогущую инквизицию, а их власть укрепляется благодаря не скупящимся на угрозы европейским правителям»[1828].

Он рассказывал о помехах для кооперативного движения, всеобщей депрессии, преследованиях, подавлении всякого инакомыслия, нужде и страданиях народа, сетуя на то, что большевики дискредитируют социализм и коммунизм. Для преодоления экономической разрухи он считал необходимым освободить общественную инициативу: «Если бы массам позволили принимать участие и направлять революцию, если бы им позволили приложить их инициативу и творчество к делу реорганизации России, мы теперь не были бы обречены на разруху и смерть»[1829].

Эмма Гольдман спросила Петра Алексеевича: почему он не высказывается публично против злоупотреблений властью? Он отвечал, что, во-первых, в России не существует возможности свободно говорить и писать, а во-вторых, он не считает возможным делать это в условиях, когда на Россию ополчились объединенные силы европейских капиталистов. И цели их далеки от идеалов свободы и равенства...[1830]

Единственным возможным для российских анархистов направлением деятельности в условиях большевистской диктатуры Кропоткин в беседе с американскими анархистами назвал «работу, полезную непосредственно народным массам»[1831]. Он переживал все происходящее и сокрушался. Ведь ни он, ни его последователи не сумели предотвратить эту диктатуру, даже предвидя это и даже критикуя идеи ее будущих создателей: «30 лет подготавливалось то, что происходит теперь, и против этого направления работали только наши, архискромные силы, и те не умели объединиться! И те не оценивали силы социал-демократического централизаторства и верить не хотели в близость возможного сотрясения...»[1832]

* * *

1920-й, последний год жизни Кропоткина, стал для него «годом визитов».

В дмитровском доме гостят родственники анархистов Александра Шапиро и Александра Атабеяна... В июле к Петру Алексеевичу снова приехали Гольдман и Беркман...

Старик выглядел бодрее и лучше, чем в марте, в его глазах блестели искры жизни. В солнечном свете и тепле дом и сад выглядели идиллически. «Петр всегда с гордостью отзывался о своей спутнице жизни и ее талантах садовода, а на этот раз с каким-то мальчишеским восторгом даже взял нас за руки и подвел к грядке, на которой Софья высадила какой-то невиданный салат, ставший ее стараниями размером с капусту», – вспоминала Эмма. Старики вместе копали грядки, но Софью Григорьевну Кропоткин называл «гением сельского хозяйства». Выращенного ею картофеля хватило на питание до весны, много осталось на корм корове и обмен на овощи с соседями. Петр Алексеевич «радовался этим огородным успехам так, как будто это были события мирового значения». У Эммы было ощущение, что его «воспрянувший дух» «снова нес миру желание жить»[1833]. Беркман удивлялся – перед ним был снова «добродушный старина Петр с прекрасным чувством юмора, наблюдательностью и самый щедрый человек в мире»[1834].

Впрочем, эти успехи стоили дорого и наверняка сократили жизнь Петру Алексеевичу. Лето выдалось очень жарким, необыкновенно бездождливым. Особенно засушливым оказался август 1920 года. Кропоткин откровенно рассказывал об этом в письме своему другу, издателю-толстовцу Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову (1864–1940): «...жарко было без дождей, высушило все болота и ручьи и сожгло всю траву, даже подлесок истребило. Сена нет и половины того, что нужно на зиму. Так что крестьяне продают скотину и бьют. Ни у кого нет сена или соломы более чем на ползимы. Нам отдали здесь кусок луга, два покоса очень хорошего по сравнению с другими, на которых ничего не было. Правда, Софья Григ[орьевна] убрала его вовремя, сама помогая целую неделю; а те, которые отложили покос до августа, не получили покоса, не собрали и трети того, что мне нужно»[1835]. И хотя свой собственный огород с овощами на двадцать одну грядку удался на славу, удалось это благодаря помощи одного из крестьян: «Добрый человек – крестьянин со своим братом – пришел одно утро весной, с лошадей и сохой, и вспахал. Так что осталось только обсеять гряды»[1836].

Кропоткин снова говорил о диктаторской натуре большевизма и о растущей пропасти между революцией и установленным режимом. Большевиков ждет превращение в иезуитов революции, которые руководствуются принципом «цель оправдывает средства». Но российская революция глубже, чем была французская, и из нее необходимо извлечь уроки. «Основопологающим фактором такого переворота была соответствующая перестройка экономической жизни страны, и революция в России показала, что к этому мы должны готовиться. Кропоткин пришел к выводу, что синдикализм мог бы стать тем, в чем Россия нуждалась больше всего, – вехой на пути промышленного и экономического возрождения страны»[1837]. Он «сослался на анархо-синдикализм, указав, что такая система, при помощи кооперативов, могла бы уберечь будущие революции от фатальных ошибок и напрасных страданий, через какие прошла Россия»[1838].

В письме Беркману от 20 мая 1920 года он прямо говорит, что синдикалистское движение «выступит великою силою в течение ближайших 50 лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». И если бы он, Кропоткин, «был во Франции», то «бросился бы с головой в это движение Первого Интернационала»[1839].

Эту же мысль Петр Алексеевич настойчиво повторяет в письме к Атабекяну в мае 1920 года. Кропоткин возлагал надежду и на русское крестьянское кооперативное движение, которое «представит живучее, творческое ядро коммунистической жизни, безо всякой примеси религиозного элемента». Наконец он надеялся и на политическую децентрализацию. «Разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни», от которых «легче будет переходить к социалистическому строю в его негосударственных формах, т. е. в независимых Коммунах, вступающих в федеральные союзы, когда люди избавятся от теперешнего кумира – государственной централизации и „сильного государства“»[1840].

Кропоткин разработал план возрождения анархизма с опорой на анархо-синдикалистское профсоюзное движение и намеревался обсудить его со старым другом Шапиро: «Чего я особенно желал бы, это то, чтобы 3–4 из нас повидались бы с заграничными друзьями и синдикалистами и, выработав с ними самую общую программу, с нею уже в руках взяли бы

за организационную работу в России. С целью и с ясным представлением о грандиозности задачи: создать такой же Интернационал – анархический, крестьянско-рабочий, с такими же широкими целями, на основе повседневной борьбы с Капиталом, какой наши предшественники начали создавать в [18]60-х годах из разношерстных элементов, уцелевших после разгрома 1848 г., и радикалов, находившихся под его влиянием»[1841]. Стоит отметить, что в 1922 году Александр Шапиро сыграл важнейшую роль в создании анархо-синдикалистского Интернационала – Международной ассоциации трудящихся.

Да, Российская революция и неудачный опыт большевиков должны стать уроком для трудящихся всего мира, неоднократно повторял Кропоткин представителям европейских профсоюзов и социалистических партий. Они приезжали в Москву по приглашению большевистских властей, но считали своим долгом посетить «дмитровского отшельника».

Немецкому анархо-синдикалисту Аугустину Сухи (1892–1984), добравшемуся до Дмитрова с рекомендательным письмом Роккера и проведшему у Кропоткиных неделю, Петр Алексеевич рассказывал о параличе Советов под давлением правящей партии, о том, что страна все дальше и дальше удаляется от изначальных революционных целей свободы, равенства и братства. России необходимы автономные местные Советы, объединяющиеся снизу в федерации вольных городов, Советов общин и союзов, говорил он, пояснив, что обсуждал это с Лениным, но не нашел понимания[1842]. Но в Советах, считал он, должны быть представлены не только трудовые коллективы заводов и фабрик, как это было в городах России, но и жители каждого квартала[1843].

Делегации британских профсоюзов и лейбористской партии, которая посетила его 10 июня 1920 года, Кропоткин передал знаменитое «Письмо к западноевропейским рабочим». Вновь осудив интервенцию иностранных держав против русской революции, отдав должное преобразованиям большевиков и левых эсеров, «величайшей идее» Советов, он снова резко высказался против партийной диктатуры и господства чиновников. Теперь он призвал европейских товарищей учиться на печальном опыте России: «На этом пути не завершить дела революции, она становится неосуществимой. Вот почему я считаю своей обязанностью честно предостеречь вас от такого образа действий».

Петр Алексеевич все еще надеется на революцию в Европе и развитие мирового анархо-синдикалистского движения. В том же письме он возвращается к своей старой идее: «нужно возродить идею великого Интернационала всех трудящихся мира, – но не в виде союза, руководимого одной партией... должен существовать общий для них всех Союз всех трудящихся мира, объединяющий всех тех, кто создает общественное богатство, с целью освобождения производства от его теперешнего порабощения капиталом»[1844].

В этом письме он прогнозировал поражение большевистского социального эксперимента: «...строительство коммунистической республики по принципу строго централизованного государственного коммунизма, под железным правлением партийной диктатуры, завершится крахом»[1845]. Кропоткин обвинял большевиков в ликвидации широкого общественного самоуправления, созданного самими рабочими, крестьянами и солдатами во время революционных событий 1917 года. Такова печальная участь Советов, превратившихся в придаток правящей партии. «Рабочие Советы прекратили осуществлять

свободное руководство тогда, когда в стране не стало свободы печати: мы очутились в такой ситуации около двух лет назад, а предлогом для таких мер было военное положение. Более того, Советы рабочих и крестьянских депутатов утратили все свое значение, как только была прекращена свободная предвыборная агитация и выборы стали проводиться под давлением партийной диктатуры»[1846], – писал Кропоткин. Фактически он выдвигал большевикам те же обвинения, которые можно было услышать из уст махновцев, крестьянских повстанцев Алтая и Сибири, Тамбовщины и Воронежской губернии, а позднее – восставших матросов Кронштадта[1847].

«Рабочие всего цивилизованного мира и их сторонники в других классах должны заставить свои правительства полностью отвергнуть идею вооруженного вмешательства в дела России»[1848], – заявлял старый анархист. Ведь военное вмешательство извне лишь усилит диктатуру большевиков, станет оправданием политики террора и преследования инакомыслящих, уничтожения свободных профсоюзов и кооперативов, ликвидации свободных выборов в Советы. «Военное положение было поводом для ужесточения диктаторских методов партии, а также усиления свойственной ей тенденции сосредоточивать все стороны жизни в руках правительства... Зло, заключенное в государственном коммунизме, десятикратно увеличивается, оправданное тем, что все бедствия нашей жизни порождены иностранным вмешательством»[1849], – писал он.

Интервенция усилит националистические настроения, враждебность к европейским странам, повторял Петр Алексеевич. Он прогнозировал: эта враждебность сыграет свою роль, если правящие круги будущей России будут готовиться к новой мировой войне. «Эта идея в корне неверна, ибо вмешательство иностранной армии вызовет в России ожесточенный национализм и, возможно, наступит день, когда Красная армия выступит против союзников на стороне Гинденбурга и Ко»[1850]. В силу этого Кропоткин призывал к восстановлению дипломатических и иных официальных отношений Великобритании с Россией[1851]. С этих позиций и должны были выступать британские социалисты и активисты профсоюзов. Настоящую помощь сторонникам свободы и социализма в России против большевиков, полагал Кропоткин, сможет оказать новый Интернационал – «Союз всех тред-юнионов мира»[1852].

В этом же «Письме» Петр Алексеевич высказывался о будущем России, призывая защищать федеративные отношения. Он предполагал, что «в ближайшем будущем» бывшая Российская империя станет «федерацией свободных сельских коммун и вольных городов», а позднее это устройство заимствуют и страны Западной Европы[1853]. Разделял он и идею «вольных советов», выдвигавшуюся махновцами. Довольно легко проследить эту логику в письме к западноевропейскому рабочему движению: «Идея Советов, впервые выдвинутая в ходе революции 1905 г. и немедленно реализованная в феврале 1917 г., как только пал царский режим, идея таких органов власти, контролирующих политическую и экономическую жизнь, – величайшая идея. Она неизбежно ведет к пониманию того, что эти Советы должны объединить всех, кто на деле, своим собственным трудом участвует в производстве национального богатства»[1854].

Подвергая критике большевистскую партию, Кропоткин в то же время выступал категорически против Белого движения. «Каковы бы ни были первоначальные намерения

этих претендентов на власть, собравшиеся вокруг них уже имеют совсем другие стремления, они несут нам возврат к монархии, может быть, под властью одного из Романовых (одного из худших) и – реки крови: погромы в минуту их триумфа и длительную междоусобную войну, которая роковым образом приведет к восстановлению царской власти»[1855], – писал он в апреле 1919 года. Та же мысль была выражена в письме Георгу Брандесу: «Может быть, воображают, что, оказывая помощь адмиралу Колчаку и генералу Деникину, оказывают помощь либеральной, республиканской партии. Эта мысль ошибочна. Каковы бы ни были личные цели этих двух военачальников, большинство тех, кто сгруппировался вокруг них, имеет другие цели. То, к чему они нас приведут, будет неизбежным возвратом к монархии, к реакции, к рекам крови»[1856]. 4 мая того же года на встрече с активистами Всероссийской федерации анархической молодежи Кропоткин призвал своих молодых последователей бороться против белогвардейских режимов: «Переходя к политическому вопросу и вопросу обороны России против Колчака, П[етр] А[лексеевич] ответил, что с Колчаком нужно бороться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, ибо он несет с собой монархической строй»[1857].

Но раз решили вместе бороться с общим врагом революции, давайте определим – на каких условиях объединяться? И вот тут Кропоткин считал необходимыми серьезные политические уступки со стороны РКП(б): отказ от однопартийной диктатуры, возвращение свободы слова и свободы самоорганизации трудящихся[1858]. Но объединение политических сил – это одно, а вот поддержка со стороны рабочих и крестьян – совсем другое. Здесь его терзали сомнения. Он опасался, что население, «после пережитых за 1 1/2 года социального эксперимента и теперешней разрухи», «едва ли пойдет на новые опыты» по строительству социалистических отношений и советского самоуправления, настолько вместе с революционными партиями дискредитирована идея советского строя, даже в его демократическом или анархистском варианте[1859]: «Советы могли и должны были стать плодотворными орудиями строительства новой жизни, они оказались у нас не только орудием диктатуры одной только партии, чем вполне подорвали к себе доверие, но они стали также для населения синонимами голода, расстрелов без всякого подобия суда, всякого насилия, тайных убийств»[1860]. В то же время Петр Алексеевич считал дискредитированным и Учредительное собрание, которое «уронило себя в мнении страны своим малодушным поведением в день его разгона»[1861]. Действительно, ведь разошлись покорно, не попытались поднять восстание в Петрограде, свергнуть большевиков, взять в свои руки власть...

Что же в этой ситуации должны делать анархисты и сторонники социалистических идей, чтобы вернуть себе сочувствие трудового народа? Продолжать до конца социализацию земли – передать ее «в руки тех, кто ее сам обрабатывает»[1862]. Также Кропоткин выступал за передачу в общественную собственность крупных промышленных, железнодорожных и горнодобывающих предприятий. Фактически же управлять ими должно было местное самоуправление (в контексте его статей того времени – возрожденные Вольные Советы) и «кооперативные товарищества». Кооперативы должны были взять под контроль торговлю, восстановить нормальный товарообмен[1863].

Впрочем, развивая свои мысли, Кропоткин оставался скептиком в отношении политических сил, которые могли бы осуществить программу подобных преобразований с наименьшими

издержками: «В то же время я пока еще не вижу партии, которая могла бы занять место большевиков без того, чтобы это повлекло за собой общую политическую и экономическую реакцию и жестокое кровопролитие. <...> Разве что только социалистические партии, страдающие от этих жестоких уроков, объединят свои усилия для осуществления долгожданной перестройки»[1864]. Но время было упущено. Произнеси он эти слова летом 1917 года вместо попыток мирить всех со всеми и призывов к войне до победного конца – другое было бы дело. Конечно, если бы социалистические партии захотели к этому прислушаться вместо упрямой и цепкой борьбы за собственную власть! Тогда такая программа, проводимая социалистическим правительством, опирающимся на Советы и исключившим из своей среды либералов, могла бы быть реализована.

* * *

Но что же делать анархистам? На этот вопрос он ответил в письме к старому другу Александру Шапиро. В то время Шапиро был одним из лидеров Союза анархо-синдикалистов «Голос труда» – все еще легальной анархистской организации, располагавшей собственным издательством и типографией, книжными магазинами-складами в Москве и Петрограде. Своей книгоиздательской деятельностью «голоуструдовцы» были известны по всей России, именно они выпускали труды классиков анархизма. До сих пор отечественные и зарубежные «анархологи», иногда трансформирующиеся в «анархоедов», в своих научных трудах ссылаются на книги, изданные в типографии «Голоса труда». Они были известны как сторонники легальной работы и союза с большевиками против белогвардейских контрреволюционеров. Но в то же время многие из них были настроены на поддержку товарищей, готовых вести подпольную пропаганду анархистских идей.

Именно Шапиро Кропоткин изложил свои мысли относительно стратегии и тактики анархистского движения в России. Так, он отверг популярную в то время идею объединения всех течений анархизма, считая, что, лишь проводя свои идеи в жизнь, анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты способны остаться самостоятельной политической силой: «"Возможно ли объединение анархистов всех учений в России?" – следует прямо ответить – нет! Нежелательно и – невозможно! Мы остались анархистами именно потому, что считаем нужным проводить в жизнь свои воззрения, что остаемся самими собою, а не обезличиваемся... Если нам, старикам [18]70-х и [18]80-х годов, удалось создать анархическое направление, то только потому, что мы не обезличивали себя в угоду соседним социалистическим партиям... Живя среди них, мы вели свою линию. Раз мы верим в истинность своих основных начал, мы должны верить в то, что, вступая в действительную жизнь, наше направление пройдет красной нитью среди других направлений и будет благотворно, пока не выцветет. <...> Вообще эклектизм никогда ничего не создавал»[1865]. Попытки объединения различных течений в одной организации он открыто называет «сумбуром». В общем, в этом не было ничего удивительного: кто только не именовал себя «анархистом» в те бурные годы!

В этом письме Кропоткин снова говорит о неудаче большевиков в попытке построить в России социализм. А раз революция провалилась, следует ждать «реакционного» периода в мировой и российской истории. Как мы знаем, так и получилось. Уже в конце 1910-х годов в

Европе появились консервативные диктаторские режимы, а в начале 1920-х популярность начал набирать фашизм. Кропоткин предупреждает анархистов, что им «предстоит теперь крупная, глубокая, тяжелая работа», первоначально в подполье, но затем этот период сменится новым подъемом борьбы рабочих и крестьян за свои интересы. Из этой эпохи вырастет новая революция. Переждав репрессии и спад, анархистам предстоит работать «широко, для серьезной выработки анархического идеала: XX век должен будет выработать его по отношению ко всем отраслям общественной жизни, и начать прилагать его»[1866].

Но как работать в новых, изменившихся условиях? Кропоткин полагал, что следует начать с изучения различных тенденций в рабочем движении, производстве, образовании, различных областях жизни общества. Прежде всего тех, которые благоприятны для распространения анархистских идей: «Выработка жизненного анархического идеала, в его приложениях к производству, потреблению, товарообмену и образованию, должна и может быть сделана только в тесной связи с рабочей средой. <...> Вот теперь анархистам предстоит также изложить, как анархическая мысль претворилась в умах рабочих после теперешней неудавшейся попытки социальной революции на началах государ[ственного] коллективи[з]ма»[1867].

Не ограничиваясь, впрочем, лишь прогнозами и критикой, он предложил Шапиро создать небольшой кружок единомышленников, который установил бы связи с сочувствующими анархизму среди рабочих и крестьян. Далее Петр Алексеевич предлагал создать рабочие и крестьянские группы анархистов, после чего привлекать к движению представителей интеллигенции. Говоря о работе в сельской местности, он возлагал надежды на крестьян-кооператоров. Вслед за этим Кропоткин считал необходимым приступить к изданию газеты, которая отражала бы анархо-коммунистический взгляд на события и популяризировала для России опыт анархо-синдикалистского движения в Европе и Америке. Он предлагал установить контакты с западноевропейскими анархистами-коммунистами и анархо-синдикалистами для выработки общей программы, на основе которой можно было бы создать «Интернационал – анархический, крестьянско-рабочий, с такими же широкими целями, на основе повседневной борьбы с Капиталом»[1868]. Из-за тяжелого состояния здоровья и работы над своей книгой о проблемах этики Петр Алексеевич не успел отправить это письмо...

* * *

Нельзя сказать что он не предвидел, не ожидал скорой смерти. Он писал Александру Шапиро: «Милый ты мой, – я чувствую, что жить мне недолго. Сердце плохо – заметно хуже, чем год назад, – и постоянно напоминает, что надо кончать начатую работу по Этике. <...> Разбрасываться нельзя»[1869].

То же самое он скажет в письме Беркману от 2 мая 1920 года: «Жить мне осталось очень немного, сердце отрабатывает число биений, на которое оно было способно...»[1870] В этих условиях Кропоткин уже окончательно отказался от участия в анархистском движении, к которому планировал вернуться. Об этом он напишет Беркману: «Так вот, родной мой, на этику я положу свои силы, тем более что в агитаторской деятельности, в данное

переживаемое нами время, я не чувствую, чтобы слабыми, единичными силами в России можно было сделать что-нибудь серьезное. Силы взбаламучены большие; во всяком случае, не единичные»[1871].

Но напоследок он все-таки обращался, и не раз, к тем, на кого возлагал надежды. Пытался объяснить, посоветовать, убедить... В ноябре 1920 года он разовьет эту идею в письме к дмитровским кооператорам. Отметим успехи местного потребительского кооперативного союза, включавшего более тридцати тысяч членов. Положительно оценит культурную работу, которую вели кооператоры и в которой поучаствовал и сам. А затем перейдет к практическим предложениям. Советовал организовать производительные кооперативы. Зачем? Только таким образом можно было создать относительно независимый от государства, а в будущем и от частного бизнеса кооперативный сектор экономики[1872]. А дальше все зависит от того, насколько независимыми и боевыми окажутся профсоюзы. В качестве примера он привел проект национализации производства и потребления, разработанный Всеобщей конфедерацией труда во Франции. Профсоюзы и кооперативы должны были образовать единый Экономический совет труда, управляющий экономикой[1873].

Основное препятствие, предупреждал он кооператоров, исходит от государства, фактически же – от правящей партии большевиков: «Теперьшнее русское правительство, к сожалению, держалось централизованного государственного коммунизма в своих планах перестройки общества; оно обращает кооперативные организации в органы государственной централизации в производстве и потреблении»[1874].

В это время несколько меняются взгляды Кропоткина на причины, приведшие к Первой мировой войне. Борьба за передел колоний, поиск все новых и новых сфер экономического влияния уже привели к одной всемирной бойне и приведут к новой. Великобритания добилась успехов, захватив «под свою власть как можно больше народов, отсталых в промышленности». Колонии стали резервом для развития промышленности «передовых стран»: «Им сбывали втридорога всякий фабричный товар похуже и от них по дешевой цене получали сырье». Другие страны следовали примеру Великобритании, стараясь повторить ее успехи в эксплуатации колоний[1875]. Гитлер тоже будет говорить о «жизненном пространстве» для германской экономики и искать новые колонии – на Востоке и Западе Европы, в России...

Кропоткину удавалось и дальше добиваться некоторых успехов, облегчая участь друзей и других общественных деятелей. Благодаря его настойчивым ходатайствам в феврале 1921 года был выпущен из тюрьмы старый друг Мельгунов, в то время ставший одним из лидеров белогвардейского «Союза возрождения России». Бумагу с ходатайством о его освобождении, составленную Верой Фигнер, Петр Алексеевич подписал за несколько дней до смерти[1876].

А ситуация в России становилась все более отчаянной. В ноябре 1920 года Кропоткин стал свидетелем разгрома кооперативного движения в Дмитрове – того самого, к которому он обращался с советами. И произошло это вскоре после выступления Кропоткина на съезде уполномоченных местных кооперативов. Без объяснения причин дмитровских кооператоров

и сотрудников краеведческого музея, включая секретаря Анну Шаховскую, арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. «Вот теперь идет разрушение Дмитровского Союза Кооператоров, в котором собралась замечательная группа крестьянских деятелей, – зачатки нового строительства»[1877], – сокрушался Петр Алексеевич в письме толстовцу Горбунову-Посадову. Кропоткин вновь пишет Ленину, требуя освободить арестованных, прекратить подавление кооперативного движения и отказаться от позорной практики взятия заложников, которых намечалось расстреливать в случае покушений на представителей власти. Такие меры, по словам старого революционера, представляли «возврат к худшим временам средневековых и религиозных войн». «Как же вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов? – возмущался он. – Не будет ли это признаком того, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя»[1878].

Часть арестованных была отпущена, но для Кропоткина очередная волна репрессий стала последним и роковым потрясением. 23 ноября 1920 года, глубоко взволнованный и расстроенный, под впечатлением нервных разговоров с женой и дочерью, он пишет свое политическое завещание – текст «Что же делать?». Оценив российскую революцию как «стихийный переворот», «тайфун» и катастрофу, которая могла принести как разрушение, так и обновление, он окончательно приходит к безнадежному выводу – выводу о поражении революции и своем собственном поражении: «Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили. Но не успели достаточно подготовить». Сопротивляться стихии бесполезно, но следует признать: русская революция «творит ужасы. Она разоряет страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей... И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изживет себя... Тогда – роковым образом придет реакция». Все, что можно сделать в сложившейся ситуации, – «это направить наши усилия, чтобы уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции». Революционер Кропоткин остался самим собой: даже в момент тяжелейшего отчаяния он не терял веры в конечное торжество своего дела, несмотря на все пережитые и грядущие испытания: «Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться строительной работой среди каждой из своих партий после того, как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не съеденных самолюбием работников-анархистов»[1879].

Всеволод Волин, встречавшийся с Кропоткиным в ноябре 1920 года в Дмитрове, вспоминал, что в дни, когда шла работа над текстом «Что же делать?», Кропоткин не только интересовался деятельностью украинских анархистов и махновским движением, но и выразил последнему открытую симпатию: «Живо интересовался он текущими событиями, анархической работой вообще, украинским анархическим движением в особенности. С глубокой болью говорил он о том, что партийно-политический, государственнический путь нашей революции сделал и ее "типичной неудачной революцией", и высказывал опасение за возможность глубокой реакции. Но, когда он, с необыкновенным вниманием и оживлением, выслушал рассказы мои и моих товарищей о положении на Украине, – он словно весь просиял и взволнованно несколько раз повторил: "Ну, ну, поезжайте туда, если там творится наше дело". И с грустью прибавил: "Ах, если бы я был молод, – я тоже поехал бы туда... работать..."»[1880]

Читая вслух текст «Что же делать?», отец, как вспоминала дочь Александра, «был сильно взволнован, и голос его дрожал <...> Его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах ни облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей с первых же шагов по ложному пути, ведущему лишь к поражению и реакции, была для его трезвого ума трагическим испытанием»[1881].

Петр Алексеевич выражал намерение, если это еще будет в его силах, помочь собранию «людей для общего дела». Но силы его уже были подорваны окончательно.

23 декабря он обратился с открытым письмом к VIII съезду Советов, проходившему тогда в Москве. На этот раз Петр Алексеевич выступал с протестом против централизации печати и закрытия кооперативных издательств. «В этих издательствах, где сами писатели становились издателями своих трудов, создавалось единство процесса творчества и производства книги... Недаром человечество целую тысячу лет боролось за свободу печати, и недаром оно завоевывало эту свободу путем невероятных жертв. Убить эту свободу и отдать громадную, вольную культурную работу в распоряжение государственных канцелярий – значило бы выставить вас, представителей рабоче-крестьянской России, слепыми орудиями мрачного прошлого и связать высокие стремления социализма с прошлым насилием и торжеством обскурантизма – власти тьмы»[1882]. В стенограмме съезда это письмо не указано. Так что, вероятнее всего, делегатам его даже не огласили. 4 января 1921 года, наряду с таким же письмом М. Горького, обращение Кропоткина было заслушано на собрании Московской организации Союза писателей. Была вынесена резолюция «принять к сведению»...[1883]

* * *

В январе 1921 года прозвучал последний звонок... Кропоткин тяжело заболел воспалением легких. 19 января из Москвы экстренным поездом прибыла бригада из шести врачей. Дочь Александра нашла ему сиделку, Екатерину Линд, ухаживавшую за Петром Алексеевичем до самого конца. Кропоткин в шутку называл ее «Нерсинькой» (от англ. Nurse – медсестра)[1884]. Линд вспоминала, что «такого терпеливого, такого заботливого больного не видала». Ни одного раздраженного слова и постоянная забота о том, «чтобы не доставить лишних хлопот, чтобы дать отдохнуть окружающим близким»[1885]. Он даже не позволял себе пользоваться колокольчиком, чтобы срочно вызвать кого-то к постели, утверждая в шутку: «...ведь я анархист, а звонок – проявление власти»[1886].

Да, и в этой ситуации он оставался анархистом. И даже, как вспоминает медсестра, лежа в кровати, тяжело больной, обдумывал планы создания анархистской коммуны[1887]. Вспомнишь поневоле и японского поэта-анархиста Исикава Такубоку. Будучи тяжело больным инвалидом, он писал:

“ Наверно, товарищам и жене
Грустно бывает слушать,

Как я без устали,
Такой больной,
О революции говорю![1888]

Состояние больного быстро ухудшалось. Екатерина Линд вспоминала, что в последние дни жизни на него напало равнодушие к окружающему. Петр Алексеевич уже был готов уйти из жизни... Но даже в этой ситуации он продолжал шутить, пытался делать комплименты Екатерине[1889]. На вопрос, очень ли он устал лежать, старик ответил: «Нет, вот когда едешь курьером, бывало, едешь несколько сот верст и нельзя вытянуться, тогда хуже бывало»[1890].

В ночь на 8 февраля Петра Алексеевича Кропоткина не стало. Эмма Гольдман и Александр Беркман так и не успели навестить умирающего. Только Александр Атабекян до конца сидел у его постели.

На похороны Кропоткина в Москве собрались многие десятки тысяч людей. Среди них были и анархисты под черными знаменами, в том числе те, кого по такому случаю власти согласились временно выпустить из тюрем, фактически оставив остальных в заложниках, – это была последняя легальная акция анархистов в Советской России. Вскоре последовал разгром Кронштадтского восстания и новая, еще более мощная волна репрессий. Смерть Кропоткина и падение восставшего Кронштадта неслучайно стали теми символами, что возвестили конец Великой российской революции.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 июля 2025 16:00:11

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 июля 2025 16:02:11